

A woman with long, white, braided hair is kneeling on a red patterned rug in an ornate room. She is wearing a green dress with gold embroidery and has her hands covering her face, suggesting she is crying or in distress. The room features a green wall with gold decorative elements, a framed picture, and a gold sofa with cushions. A window with red and white curtains is visible in the background.

ЮЛИЯ
ЦЫПЛЕНКОВА

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ
НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ДВУХ
МИРОВ

Юлия Цыпленкова
Солнечный луч. На
перекрестке двух миров
Серия «Солнечный луч», книга 7

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69510670
SelfPub; 2023*

Аннотация

Сколько поворотов у дороги? Вроде бы только показалось, что ты прошел последний и дальше будет только прямой путь, как судьба вновь закладывает петлю. Пожелала Шанриз-Ашити передать весточку в родной мир, и вот уже портал раскрыт, но посланием стала она сама. Боги слышат мольбы, когда они идут от сердца, только дверь в Белый мир захлопнулась и обратной дороги, кажется, нет. Но всё ли так, как кажется на первый взгляд? Быть может, Высшие Силы отправили не послание, а посланника?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	30
Глава 3	57
Глава 4	81
Глава 5	102
Глава 6	126
Глава 7	159
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Юлия Цыпленкова

Солнечный луч. На перекрестке двух миров

Глава 1

– О-ох, – застонала я и открыла глаза.

На меня смотрела с потолка милая пастушка. На ее пухлых щечках играл нежный румянец. Пухлые розовые губки приоткрылись в прелестнейшей улыбке, но вряд ли она радовалась именно мне. И все ее овечки, похожие на пушистые облака, хоть и глядели на меня, но интереса в их нарисованных глазах не было. Вся эта пастораль была окружена рамой из позолоченной лепнины, украшенной причудливыми завитками. Совершенно неуместное и чуждое творение в Белом мире...

И в животе у меня похолодело от осознания произошедшего. Я порывисто села и огляделась.

– Не-ет, – простонала я. – За что, Отец? За что?!

Я сидела посреди той самой гостиной, из которой меня отправили в Белый мир. Только сейчас всё выглядело иначе. Мебель была накрыта, а это могло означать лишь одно – в замке никто не живет. Разве что небольшой штат прислу-

ги, чтобы ухаживать за комнатами. Герцогини Аританской здесь уже не было, и скорее всего, ее вообще больше не было. Потому что король не мог ей простить моего нового похищения, тем более когда оно закончилось крушением его собственных надежд. И пусть в портал столкнул меня именно он, но отыграться Ив Стренхетт должен был на других. Маги и родная тетка должны были пасть от его ярости первыми. Возможно, никто из них уже не перешагнул этого порога своими ногами.

Впрочем, судьба этой троицы меня не волновала совершенно. У меня была собственная трагедия, и она казалась катастрофичной по своей сути.

– За что... – повторила я и снова растянулась на полу.

«Если бы я могла передать им весточку, сказать, что жива и счастлива, тогда бы и разлука оказалась не так горька...»

– На всё воля Белого Духа, – прошептала я ответ моей названной матери и горько усмехнулась: – Услышал.

Я повернулась на бок, и тут же бедро кольнуло легкой болью. Сев, я посмотрела на то, что причинило мне неудобство, и издевательски хохотнула – книга! Я утащила с собой и книгу. Она так и осталась лежать в сумке, прикрепленной к поясу. Исчезла сама и забрала послание потомкам, которое мне передал Шамхар. Хорош почтальон! Я вновь рассмеялась, но уже через мгновение всхлипнула и, прижав к лицу ладони, расплакалась.

Не знаю, сколько я жалела себя, но прекратились мои ры-

дания так же неожиданно, как и начались. Я шмыгнула носом и шумно выдохнула. Спокойно, Шанриз, спокойно, еще не всё потеряно. Мама всегда говорила, что надо верить в Создателя, Он не оставит, и это так. Белый Дух никогда меня не оставлял без поддержки. Есть кристалл, есть перстень. Быть может, портал можно открыть по тому же принципу? Тогда я могу, к примеру, написать письмо родителям, оно их успокоит, а я вернусь к мужу...

Я перевернулась и встала на четвереньки, но, сколько бы ни шарила руками по полу, сколько бы ни ползала и ни задирала покрывала, свисавшие с мебели до самого пола, кристалла так и не смогла найти. Похоже, он остался лежать на полу пещеры. Снова сев, я закрыла лицо ладонями и покачала головой. Что же мне делать? Как вернуться, если ключ от двери остался в скважине с той стороны?

И вновь меня затопила надежда. Раз кристалл там, то, может, мама поможет? Она же шаман, у нее есть силы! Перед внутренним взором появилась Ашит в тот момент, когда я видела ее в последний раз. Она стояла и смотрела нам вслед. Зачем-то вышла...

– Мама, – произнесла я с кривой усмешкой. – Ты всё знала. Опять знала и опять ничего не сказала...

Потому что тогда бы всё было иначе. Каждый раз всё было бы не так, как должно было сложиться. При первом моем похищении Рахоном мы с Бериком избежали бы ловушки, и я не попала бы к пагчи и не узнала тайну смерти Вазама. И во

второй раз тоже. Да меня бы Танияр попросту не отпустил! Книга бы не попала ко мне, и Архам до сих пор продолжал бы томиться в Даасе. А если бы предупредила сейчас, то мне не выпал бы шанс увидеться с родителями и всё им рассказать. Мне дали возможность жить спокойно дальше. Так?

– Белый Дух никогда и ничего не делает просто так, значит, происходит то, что должно было случиться, – попыталась я себя уговорить и скривилась.

Однако как же мне вернуться?! Раз это желание Создателя, то мама не откроет двери и не впустит меня обратно. Но! Но я же в мире, где есть магия! Есть магистр Элькос, и он непременно мне поможет. Да-да, именно так. Кто, если не он?

– А как он узнает, куда меня отправлять, если кристалл остался в пещере?

Я поглядела на перстень и взмолилась:

– Хэлл, не оставь. Пусть этот камень поможет найти путь, пожалуйста!

Ну, хорошо... хорошо! Вот он выход – магистр Элькос. Значит, мне надо встретиться с родителями, с дядюшкой, с магом, а потом я смогу вернуться в Белый мир. Главное – не попасться на глаза тому, кто меня знает и кто вхож во дворец. Это известие король не должен получить. Да, именно так. Я медленно выдохнула и, подняв руки, поправила волосы.

– Что это?

Мои ладони были влажными. И где же я успела намочить

голову? Ну не взопрела же я в самом деле, пока летела из Белого мира в этот! Нахмурившись, я нашла взглядом большое напольное зеркало и направилась к нему. После сдвинула в сторону покрывало, и глаза мои округлились в ошеломлении – белый цвет на моих волосах таял, подобно снегу. Он исчезал не разом, а постепенно. Неспешно сходил от макушки к концам, всё более открывая огненную рыжину. Пока наконец из зеркального отражения на меня не посмотрела уже не Ашити, а настоящая Шанриз Тенерис-Доло.

Я уже и забыла, какой была от рождения. И в эту минуту я даже затруднилась бы сказать, какой цвет волос мне милее. Я давно привыкла к белоснежным локонам, а теперь вернулись яркие краски.

– Однако блондинкой мне было бы проще появиться в столице, – отметила я. – А с этим пламенем на голове меня сразу заметят. Плохо.

После мой взгляд скользнул и на одеяние. Нет, так дело и вовсе было нехорошо. Я любила свои платья, носила их с удовольствием, но это было в Белом мире, а в моем родном этот наряд казался странным. Он мог привлечь внимание не меньше, чем волосы. Надо было отыскать себе другую одежду, но где же мне ее искать? Вряд ли наряды королевской тетки всё еще висят в гардеробной, но даже если и так, то мы не только имели несколько различное строение, но и роскошь было не тем, чего я желала.

– Платье служанки, – сказала я своему отражению и по-

кивала.

Идея была самой логичной и наиболее выгодной. В образе простолюдинки я и путешествовать могла в одиночестве, и можно было надеть чепец, а он прекрасно скроет волосы. Да, именно так – платье служанки. Осталось придумать, где его взять. Впрочем, и на этот вопрос имелся ответ – здесь, в замке. Прислуга, как я и говорила ранее, должна была остаться, хотя бы человек пять-десять, чтобы следить за домом и парком.

Значит, мне надо было или найти комнату, обитательница которой обладала подходящим размером, или же прачечную, где могли сушиться вещи. И последнее мне показалось наиболее удачной затеей. Нужно было только дожждаться, когда прислуга уляжется спать, а потом уже отправляться на поиски прачечной. Примерное расположение хозяйственных помещений я знала.

И вновь покивав себе, я подошла к окну. Первое, что увидела, – это буйное цветение. В Камерате была поздняя весна, и я нахмурилась. По моим прикидкам должна быть осень, потому что после моего исчезновения не прошло и года, однако я видела приближение лета, а не зимы. Хм... любопытно. Я считала дни и в доме матери, и после, и года еще точно не прошло, хоть за это время и случилось невероятное количество событий. Однако факт оставался фактом: я вернулась вовсе не тогда, когда должна была.

Однако от этого я отмахнулась, потому что время года бы-

ло не столь важным, как насущные дела. А они были тако-
вы: найти прачечную, выбраться за территорию замка и до-
браться до столицы, а после в Тибад, если мои родители еще
жили там. Ну а затем вернуться к мужу.

– Ах, хоть бы так и вышло.

Но уже в следующую минуту я поняла, что упускаю некую
немаловажную деталь – деньги. Мне надо было раздобыть
средства, чтобы попасть в самое сердце Камерата. И тут
я вспомнила магов, по вине которых я оказалась в Арита-
не. Негодяи! Не могли открыть портал где-нибудь поближе?
Сколько времени я потрачу на дорогу? Недели три, не мень-
ше. Это при лучшем исходе, если буду большую часть вре-
мени в дороге. И это после долгого пути до Ирэтэгена!

– Мне нужна карта, – решила я после некоторых размыш-
лений. – Одежда, деньги и карта.

Первое я уже придумала, как получить, второе... Огля-
девшись, я остановила взор на каминной полке, где под по-
крывалом угадывались контуры каких-то безделушек. Поче-
му нет? Можно набрать чего-нибудь небольшого, что я мог-
ла бы вынести, и продать, ну хотя бы старьевщику. Мне надо
не так много денег – на дорогу и еду. Да, недурной выход. Ну
и карта... Или в библиотеке, или в кабинете. Или в книж-
ной лавке. Лучше найти здесь. Усмехнувшись, я решила, что
лучше все передвижения отложить на поздний вечер и ночь.
Хотя... побродить по покоям герцогини я могла и сейчас.
Может, и найдется что-то полезное. И я отправилась в свою

исследовательскую экспедицию.

Спальню герцогини я оставила напоследок, решив, что ничего полезного тут не найду. Впрочем, надежды вообще что-то найти, что могло бы мне пригодиться, не было. Не только в покоях, но и во всем замке должны были провести обыск. А что осталось после обыска, могли растащить слуги. Не мебель, конечно, но какую-то мелочовка, которой никто не хватится. Мебель меня не интересовала, а вот мелочовка очень даже. Так что, как я и сказала, особой надежды не было на удачный осмотр и последующую экспроприацию... Да, именно экспроприацию.

И все-таки сидеть без дела в ожидании темноты и проигнорировать возможность проверить покои, находясь в них, было бы попросту глупо, а я, смею уверить без лишней скромности, вовсе не глупа. И потому я продолжила осмотр. Он привел меня в гардеробную, где я все-таки задержалась. Богатый наряд мне был не нужен, да таких тут и не было. Подобные роскошества должны были конфисковать по причине того, что украшены они были зачастую драгоценными камнями, а подобное казне никогда не бывает лишним. Так вот, таких нарядов не было, но тряпья осталось немало, и я решила к нему присмотреться.

Начала я с того, что попало под руку первым, – с обуви. Однако нога ее светлости была больше моей, и вскоре, разочарованно вздохнув, я закрыла ящики с туфлями и легкими сапожками. Поддернув подол, я поглядела на свои но-

вые кейги и махнула рукой, решив, что останусь в них. Всё равно никто не увидит.

А вот одежда... Мне вдруг подумалось, что я сама себе усложняю и без того непростую жизнь. К чему мне бегать по замку и искать прачечную? А вдруг там не будет платьев или же они будут мне не впору настолько, что выходить в таком виде будет нелепо? Всё это могло оказаться данностью, в то время как герцогиня была крупнее меня, но ненамного, и ее одежда вполне могла подойти.

И если роскошные наряды были вывезены, то домашние платья для короны не представляли никакой ценности. И почему я не подумала о них сразу? А если найду еще и плащ, то буду совершенно экипирована, и останется лишь раздобыть денег для поездки в столицу.

Можно было бы сразу ехать в Тибад, а уже после в карете родителей и в их сопровождении отправиться в столицу, что было бы замечательно, но я не знала, не забрал ли король свой дар после моего исчезновения. Да, графство отошло мне в постоянное пользование с правом передачи по наследству, однако Ивер Стренхетт сплеховал, а значит, мог выместить свою злость на этих землях, если посчитал моих родителей в чем-либо виноватыми. То есть в Тибаде я могу никого не найти, и мой путь только увеличится.

К тому же если бароны Тенерис все-таки не лишены моего наследства, то к ним я всё равно отправлюсь с удобствами – в карете графа Доло, снабженная всем необходимым.

Так что мне нужно было как-то проделать путь в одну сторону, а во вторую мне помогут добраться мои родные. Однако столичное направление было наиболее верным, и потому я окончательно выбрала его.

Впрочем, прежде надо было подобрать одежду, и энтузиазм мой возрос в несколько раз, как только я определилась со своими целями и желаниями.

– И что у нас тут есть? – спросила я, по-хозяйски осматривая «свои» владения.

У нас нашлось несколько белоснежных сорочек с утонченной вышивкой, несколько цветных, не менее изысканных, десяток халатов, давно устаревшие корсеты, нижнее белье, чулки, как шелковые, так и шерстяные. Не буду все перечислять. Могу лишь отметить, что одежды было меньше, чем я ожидала. Должно быть, приближенные или прислуга все-таки растащили наследие ее светлости. Однако мне всего этого было и не надо. Точнее, не надо было много.

Вскоре я отобрала для себя два платья, которые показались мне наиболее подходящими. Были они неприметных цветов, даже удивительно было найти такое в гардеробной герцогини Аританской. Но не могу не рассказать об одной примечательной находке, сразившей меня настолько, что я... присвистнула. Натурально присвистнула! Это было платье, вульгарное, вызывающее и даже развратное. Невероятно глубокое декольте со шнуровкой под ним не оставляло сомнений, для чего могло понадобиться подобное устройство.

– А тетушка-то у нас была затейницей, – хмыкнула я, обнаружив это платье. – Любопытно, зачем ей такое? Ну не зарабатывала же она в нем... Хотя...

Что я знала о жизни герцогини вне королевского дворца? Возможно, она искала приключений, может, и вправду зарабатывала неким образом, а может... может, просто развлекалась с любовниками, теперь уже было не узнать. И если король все-таки простил ее и даже вернул к себе во дворец, и потому здесь так мало одежды, то я всё равно туда не пойду, чтобы разузнать о причинах, побудивших ее светлость иметь у себя такое платье.

Приметила я и юбку с блузой, какие могла бы носить компаньонка одинокой дамы в менее знатном семействе. Имелся к ним и жакет. Должно быть, если бы я задалась целью подыскать под этот наряд шляпку, то нашла бы и ее...

– Хм-м, – задумчиво протянула я. – А ведь там может быть вуаль...

Но эту мысль я откинула, потому что шляпка не скрывала волос, а по ним узнать меня было проще, чем по лицу. Слишком яркие, они привлекали к себе больше внимания, чем я сама. Нет-нет, только плащ и капюшон, раз уж я меняю образ, потому что теперь чепец будет смотреться неуместным. И плащ нашелся. Короткий, свободный и с капюшоном достаточно глубоким, чтобы я могла под ним спрятаться. А кроме того, мне попался саквояж, куда я могла сложить приглянувшуюся смену одежды. И когда я закончила, то испы-

тала невероятный прилив благодушия.

– Однако же и в вас есть польза, ваша светлость, – усмехнулась я. – Будем считать, что вы отдаете мне долги. А раз так, то будьте любезны поделиться со мной еще чем-нибудь полезным.

И я отправилась осматривать покои дальше. Следующим местом, где я остановилась, был кабинет. Признаться, я вообще не ожидала увидеть здесь что-то полезное для себя, кроме писчих принадлежностей, но ошиблась. И это я поняла, едва вошла в двери, потому что на стене висела карта Камерата.

– Хэлл, ты не оставляешь меня, – улыбнулась я своему Покровителю. – Благодарю.

И мне было за что благодарить Великого Странника, потому что пока мне сопутствовала удача. И одежду нашла, не выходя из покоев, и карту. Если тут еще где-нибудь завалялся кошелек с деньгами, я была бы счастлива... Увы, кошелек в кабинете не было. Вздохнув, я перестала выдвигать ящики стола и развернулась к карте. Она была мне нужна, чтобы понять, какой путь лучше выбрать, чтобы поскорее преодолеть расстояние.

– Угу, – промычала я, ведя пальцем по карте. – Нужно добраться до Эльде, там можно пересесть на речное судно, и тогда я сэкономлю неделю в худшем случае, в лучшем полторы. После пересяду в наемный экипаж, и вот я уже в столице... Недели две с половиной. Да, лучшее решение. Зна-

чит, в Эльде.

Однако я не покинула кабинета сразу. Прежде я вновь возобновила осмотр ящиков, шкафов и полок. В результате в саквояж отправились толстый блокнот, несколько карандашей, набор писчих принадлежностей, сложенных в изящную коробочку, и несколько чистых конвертов. Возможно, мне придется написать, к примеру, дядюшке, так что и конверты не лишние.

Осмотр спальни принес мне пару позолоченных подсвечников и очаровательную миниатюру с туалетного столика. Прикинув общую стоимость, я решила, что на дорогу этого хватит. Правда, весу саквояжу подсвечники добавили.

– Лучше б уж деньги припрятала, – проворчала я, взяв собранный саквояж в руку.

И тут я поняла, что сдаваться не желаю. И раз уж у ее светлости имелось платье куртизанки, то, может, в вещах припрятано и что-нибудь ценное, что не заметили полицейские и прислуга?

– Поищем еще раз, – сказала я себе и приступила к делу.

Но, увы, и еще раз – увы, кошелька, драгоценностей или хотя бы заваливающей ассигнации я так и не нашла, хоть и просматривала теперь покои более тщательно. Я облазила все комнаты и вновь вернулась в гардероб. И всё, чем была вознаграждена за настойчивость, – это шляпкой с вуалью, идеально подходившей к костюму, о наличии которой я подозревала. Еще парой перчаток, которые просмотрела прежде,

и книжкой со срамным содержанием и не менее срамными картинками.

Полистав сей «труд», я передернула плечами и вернула книжку на дно старого сундука, стоявшего в гардеробной.

– Какая гадость, – фыркнула я и закрыла сундук, после уселась на него и подперла щеку кулаком.

Посидев так немного, я скосила глаза вниз и, испытав крайне нездоровое любопытство, снова достала срамную книгу. Я не вчитывалась в содержимое... лишь местами, зато картинки рассмотрела более подробно.

– Надо же, – хмыкнула я, – чего только не выдумают. Ну, ваша светлость, вы превзошли саму себя. Даже у вашего племянника ничего подобного я не видела. Вы, оказывается, не только затейница, но и похабница, а строили из себя этакую невинность.

Далее я просто пролистала книгу и... между последними страницами обнаружила то, что искала, – ассигнацию, похоже служившую закладкой. Впрочем, радость испарилась, едва я ее достала. Достоинства она была небольшого, и на путешествие мне бы не хватило даже по самым скромным запросам. Максимум на одну станцию в общем дорожном экипаже. Значит, подсвечники все-таки придется продать.

– А если мало дадут? – спросила я у срамной книжки.

Но я уже и без того осмотрела покои несколько раз и взяла самое удобное, что могла положить в саквояж.

– Значит, надо посмотреть в соседних комнатах, – решила

я.

Впрочем, прежде стоило переодеться. Не желая расстаться с Белым миром, я до сих пор не сделала этого, но иначе было никак. Коротко вздохнув, я огладила себя по талии, так на время прощаясь с платьем, и решительно сняла его. После снова вздохнула и взялась за блузу. Я решила использовать костюм. Так я выглядела дамой, сильно стесненной в средствах, но не простолюдинкой. Как я уже говорила, вполне могла сойти за обедневшую дворянку, тогда и продажа подсвечников была оправданна и неподозрительна. То что надо.

И шляпку я все-таки решила надеть, и перчатки. В Аритане герцогиня Канаторская, то есть я, никогда не появлялась, если не считать моего похищения, так что узнать меня даже по цвету волос было невозможно. Капюшон пригодится в столице, а пока же я могла не скрываться. А перчатки и вообще делали образ уважаемым и благообразным. Однако эти два аксессуара я оставила напоследок. Конечно, и кейги было бы лучше сменить на обувь с каблучками, но подобной не имелось, а потому я нашла прелесть в своей бесшумной поступи. Тем более сейчас, когда намеревалась выбраться из покоев герцогини.

Нет, я не опасалась, что попадусь в это время, потому что за окном уже начинало смеркаться, а значит, прислуга вот-вот должна была отправиться по комнатам. Впрочем, и за весь день я не услышала голосов даже поблизости, и это было

вполне понятно и логично. Если остался малый штат слуг, то и убирались они не ежедневно, да и попросту нечего им было делать в пустых покоях. Занятий хватало и внизу. Так что отправлялась в следующую исследовательскую экспедицию спокойно.

В коридоре я осмотрелась и застыла, глядя на то место, где когда-то стояли стражи. Тот маг... Хикклер, да, Хикклер, он отвел глаза этим стражам, и они нас не слышали и не видели, разве что чувствовали прикосновения. А привели меня... Я посмотрела сначала налево, потом направо и направилась в ту сторону, вспоминая путь, по которому меня привели в замок.

– Нет, там я не выберусь, – отрицательно покачав головой, вполголоса произнесла я.

Потому что сейчас я помнила тот возглас, который прозвучал в гостиной, когда матрос Утткер уже влез мне в голову. Слова, произнесенные лакеем или стражником, гласили, что государь с гвардейцами вышли из портала во внутреннем дворе. А значит, этот путь приведет меня в тупик. Надо искать другой.

– И на это у меня вся ночь, – усмехнулась я, а затем вернулась к осмотру.

Пока окончательно не стемнело, я старалась не медлить и обходила комнаты, стараясь особо не задерживаться. Сразу выбрав направление, я шла туда, где могла обнаружить что-то полезное для себя. Впрочем, как раз из-за этого что-

то выбрать было сложно. Что-то действительно ценное было объемно и прилично весило, а мелочи в глаза не бросались. Разве что раздобыла пару статуэток да резную шкатулку размером с ладонь, в которой могли хранить и запонки, и леденцы, и пилюли. В любом случае вещица должна была принести мне еще немного денег.

Но вскоре я была вынуждена окончить блуждания, потому что окончательно стемнело, и я уронила стул, оглушительно громыхнув им в тишине замка. Мне подумалось, что сейчас сбегутся все слуги, какие еще остались под этой крышей. И, бросившись в коридор, я бестолково заметалась в поисках покоев герцогини. Сердце мое бухало в ушах, заглушая все прочие звуки, и паника поглотила столь стремительно, что я едва не расплакалась в ожидании провала задуманного еще до воплощения.

Однако заставила себя остановиться, выдохнуть и оглядеться. Никто не спешил на грохот там, где должно было царить безмолвие. Постепенно успокоившись, я вновь ощутила уверенность, однако экспедицию решила не продолжать. Теперь я не торопясь искала нужную мне дверь, а найдя, вошла и привалилась к стене, вдруг осознав, что дико устала и хочу есть, спать и... к Танияру. К нему хотелось более всего.

Протяжно вздохнув, я в очередной раз посмотрела на перстень, надеясь хоть на малюсенький проблеск силы, но вскоре разочарованно вздохнула – в этом мире правила иные боги, и «Дыхание Белого Духа» безмолвствовало. Я уже пы-

талась пробудить его, однако даже ощущения прохлады не уловила, не то что смогла дозваться супруга. Мы были разделены не расстоянием, но пространством. Наверное, магистр Элькос сумел бы рассказать мне подробнее о сути этой материи, однако и его не было сейчас рядом.

Испытав первый прилив жалости к себе за день целеустремленных поисков, я захлюпала носом.

– Нет уж, – решительно мотнув головой, сказала я себе. – Я не стану раскисать. У меня есть цель, и я ее добьюсь.

Только вот надо было понять еще, как выйти из замка. А помимо этого, ночь была не лучшим временем выбираться на улицу. Это надо было сделать утром, а утром не спали слуги. И вот это уже было дилеммой: оказаться в ночи в одиночестве, когда можно встретить вовсе не добропорядочных горожан, или же быть пойманной прислугой как воровка. Ни первое, ни второе мне не нравилось. Но выбрать все-таки было нужно.

Я прошла к окну, забралась на подоконник с ногами и устремила взгляд на улицу. Несмотря на браваду, мне было тоскливо, а еще присутствовали неуверенность и растерянность. С мужем меня разделяло мироздание, с родными – половина Камерата. Я оказалась в полном одиночестве, какого не испытывала ни разу в жизни. Даже попав в Белый мир, я не была одна. Моя названная мать подобрала меня вскорости после того, как я очнулась в логове охо. А потом я была с Танияром, а когда и его не было рядом, то оставались Сурх-

эм и ягиры. Потом были илгизиты, потом Архам. А сейчас не было никого...

– О, Хэлл, – протяжно вздохнула я и утерла слезинку, скользнувшую по щеке.

Однако же слезы уж точно не могли мне помочь, и я попыталась вновь преисполниться боевого задора. Не вышло. Сейчас никакая бравада не помогала взять себя в руки. И пусть плакать я так и не стала, но настроение не улучшилось. Мне было по-прежнему одиноко и тоскливо.

– Надо же, – я покачала головой и усмехнулась, – я ведь и вправду впервые в жизни должна полагаться только на себя и свои силы.

От самого рождения и за все свои двадцать пять лет я не была столь беззащитна, как сейчас. Обо мне всегда кто-то заботился, опекал, защищал. Меня одевали, кормили, следили, чтобы не простыла. Несмотря на всю мою самостоятельность, на разум и деятельность натуры, за моей спиной всегда кто-то стоял. Мне не приходилось думать о насущных мелочах, они были данностью. А вот пришло время, когда тыл исчез, и осталась только я.

В животе, еще более усиливая это чувство беспомощности, заурчало. Подтянув колени к груди, я обняла их и прижалась щекой. Чувство жалости к себе усилилось раза в два, и я захлюпала носом, однако до боли закусил губу, а после и вовсе обозвала:

– Какая ты дайнани, ты просто нюня. Разве же жена дайна

Айдыгера станет стенать и рыдать по любому поводу? Нет, не станет, иначе она недостойна своего мужа. Поняла меня, нюня?

И, протяжно вздохнув, сама себе и ответила:

– Я всё понимаю. Но что же мне делать?

Пойти и раздобыть себе еды, а заодно и найти путь к свободе. Вот так должна действовать жена Танияра Айдыгерского.

– Пойти и раздобыть, – повторила я вслух, вдруг преисполняясь вернувшегося боевого задора. После спрыгнула с подоконника и тряхнула кулаком: – Найти и съесть! Только так и никак иначе. Вперед! – воинственно велела я себе и направилась к выходу из покоев.

Однако дошла только до двери. Уже взялась за ручку, но тут же обернулась и задумалась – не взять ли сразу саквояж? Что если я не смогу уже вернуться наверх? С одной стороны, если меня поймают с моей добычей, то полиции не миновать. А с другой – если меня обнаружат, то я оставлю здесь всё, что у меня есть ценного, а главное, книгу Шамхара. К тому же и внизу можно будет найти лазейку, а утром улизнуть, пока никто не видит, не бегая по всему замку.

– Возьму.

И вот уже после того, как саквояж был у меня в руке, я наконец покинула покои герцогини, чтобы уже сюда никогда не вернуться. Разве что в том случае, если портал домой можно будет открыть только здесь, но на это я имела опре-

деленные и небезосновательные сомнения. Замки в Аритане никогда не значились в древних записях как место нахождения стационарного портала. Впрочем, только Элькос сможет сказать точно, я же могла основываться лишь на собственных догадках и суждениях человека, далекого от магии.

В общем, покои ее светлости я оставила без сожалений. В коридоре вновь остановилась, размышляя, куда же лучше направить стопы. По сути, на кухню я могла попасть и через внутренний двор, но куда же мне идти после? И я решила сделать то, чего никогда бы не совершила в иных обстоятельствах, – положиться на судьбу. И не просто пойти наугад, а по выбранному направлению. И метод выбора оказался весьма... необычным. Для меня так уж точно.

Поставив на пол саквояж, я отошла на середину коридора и вытянула руку. После закрыла глаза и крутанулась на одной ножке. Затем глаза открыла, хмыкнула и, забрав свою поклажу, направилась туда, куда указала рука.

– Хэлл, не оставь, – все-таки попросила я уже более привычно. Для удачи, а в ней я нуждалась вне всяких сомнений.

Мой путь повел меня в противоположную сторону от лестницы к внутреннему двору. И я даже тут немного ориентировалась, потому что успела провести набег на некоторые комнаты. А когда я проходила мимо гостиной, где уронила стул, дверь... открылась. На меня упал тусклый свет фонаря, и я застыла с округлившимися в ошеломлении глазами. На меня смотрел сухонький невысокий старичок не менее

изумленным взором. Он даже повыше поднял свой фонарь, а затем покачал головой.

Воображение уже рисовало мне позорное задержание, арест и сырую камеру, где я останусь до окончания своих дней, потому что ни за что не выдам своего имени, когда старичок хмыкнул и изрек:

– Все-таки он тебя привел.

Я едва не спросила кто, но сдержалась в ожидании развития событий. Однако скажу честно, с этой минуты я даже несколько расслабилась, потому что звать подмогу и хватать меня, кажется, никто не собирался. Тем временем мужчина вышел ко мне, прикрыл за собой зверь, а после строго велел:

– Идем-ка со мной, девонька. Нечего тебе по хозяйским покоям шастать. Хорошо, я тут один-одинешенек и никто, кроме меня, не слышал, чего ты тут устроила. Но завтра придут убираться, и, если тебя увидят, неприятностей не оберешься. А мне, знаешь ли, выслушивать потом управляющего не хочется. Так и места лишиться можно.

– Один? – ухватив наиболее важное из всего сказанного, переспросила я.

– Конечно, один, – ответил старичок, шагая впереди меня. – После того как герцогиню к герцогу нашему король отправил, так все из замка разбежались. Слуги из городского дворца через день-два убираться приходят, а управляющий и того реже появляется. Вот только я и остался за добром смотреть. Да и было бы добро. Еще при обыске все са-

мое ценное забрали, потом управляющий велел вывезти, что осталось. Всё во дворец герцогский свезли, мало что оставили. Только вон, – он кивнул назад, – покои змеюки не тронули особо. Никому пачкаться не хочется. Сама знаешь, что за дрянь она была. Хотя сказывают, о мертвецах дурно-то говорить нельзя, чтоб не прослышали. Такая-то, как ее светлость, пусть боги упокоят ее черную душу, еще и явиться с мезтью удумает. Я-то грешным делом на нее подумал, – он обернулся и, прикрыв рот ладонью, захихикал. – Это когда ты тут греметь изволила. Я-то уж и испугался маленько, но службу свою знаю, вот и пошел проверять. Иду, а у самого колени трясутся. Я ж ее, гадюку эту, порой вспоминаю, когда замок обхожу с проверкой. На дверь ее покоев было плюнул в сердцах. Вот и решил, что по мою душу пришла. А это ты. Аж от сердца отлегло. Только, – он опять обернулся и строго погрозил мне пальцем, – не дело это вы с братцем удумали. Нечего тут отсиживаться. Знает ведь, паршивец, что завтра придут, а он все-таки привел тебя.

В это мгновение мой желудок напомнил о том, что я собиралась его накормить, и сторож снова покачал головой.

– Голодная? – спросил он. Мы как раз дошли до лестницы. Мужчина ухватился за перила и начал спускаться, потому говорил дальше, уже не оборачиваясь: – Это что ж он, негодник, сестру без еды тут оставил? Ай, негодник...

Я смотрела на плешь старичка сверху, но не спешила с ответом. Ему это особо и не требовалось. Сторож явно не

закрывал рта от одиночества, в котором жил день ото дня. В моем лице он нашел слушателя, а собеседник, похоже, был ему и не нужен. Мужчина привык говорить сам с собой, это делал и сейчас. Я лишь заменяла ему стену или что-то, с чем он привык общаться, но дала новую тему – обсудить «моего брата», о котором я не имела ни малейшего представления, но изнывала от любопытства, потому что узнать больше все-таки хотелось. Однако задать вопрос было бы неразумно, и потому я продолжала слушать, а старичок говорить. И нас обоих это вполне устраивало.

Впрочем, кое-какую информацию замковый сторож мне уже дал. Из его слов я теперь знала, как Ив поступил со своей теткой. Он не удавил ее и не отдавал такого приказа, но поступил более изощренно – лишил своей защиты. То есть признал обвинения в убийстве герцога Аританского справедливыми. И потому вершить суд отдал честь племяннику покойного герцога, который вынес убийце суровый приговор, каковой и следовал за столь тяжким преступлением. Затем король, как наследник, забрал часть имущества. Возможно, обыск имел и иную цель – поиск писем и свидетельств, которые открыли ему имена всех, с кем герцогиня вела переписку. А значит, полетело немало голов... ну, или хотя бы многие должности сменили сановников. Но всё это меня уже касалось лишь косвенно. Ни сожалений, ни сочувствия, ни даже толики жалости я не испытала. Пусть боги судят виновных, а я на себя мантию судьбы натягивать не со-

биралась.

– Заходи, – сказал сторож, первым войдя в небольшую комнатку, где проживал сам. – Сейчас тебя накормлю. Можешь даже вздремнуть, места хватит. А утром, уж не обесчудь, отправлю тебя с глаз. У меня другого дома нет, потому лишиться места из-за ваших с братцем шашней не хочу. – Я устремила на него пристальный взгляд, изумленная последней фразой. Даже захотела уточнить, что он имеет в виду, но мужчина истолковал мой взгляд по-своему и ответил без всяких вопросов: – Не смотри ты на меня так, знаю я, как вам тяжело, а всё ж свое место-то дороже вашей любви. Кто ж виноват, что ваши родители сошлись, а вам теперь мучиться?

Сводные брат с сестрой? Похоже на то. Я даже выдохнула с облегчением, уж больно странно прозвучали его слова прежде. И пусть меня это не касалось, но оказаться как-то втянутой в историю с порочной связью мне вовсе не хотелось. Однако они сводные, и это уже легче.

– Эйрис мне сказывал, что сызмальства на тебя поглядывал и что мечтали вы с ним пожениться. Да вон как судьба-то распорядилась, родители ваши вдовы прежде вас сойтись успели. И вроде не родные, а вроде как и породнились. Жених-то у тебя совсем, что ль, плох? С чего бежать-то надумали? Может, и ничего жених твой? – старик посмотрел на меня. – Чего молчишь?

– Эйрис лучше, – сказала я, надеясь, что этого моему со-

беседнику хватит.

– Это верно, – покивал тот. – Он тебя крепко любит, сказывал мне, когда просил тебя спрятать. Вот придет завтра, я ему устрою. Это что же, негодник, сотворил, ты погляди, – старичок покачал головой. – Ему, значит, дельце обстряпать, а мне старому потом что делать? Вам молодым и на чердаке худом хорошо будет, а мне, знаешь ли, теплое местечко терять не хочется. Тут и сыт, и крыша над головой, и вообще хозяин всему замку, а выгонят, куда мне идти? Нет уж, девонька, как хотите, а с рассветом я тебя выпровожу. Скажи, где ждать его будешь, я передам. А оставить никак не могу, не обессудь.

– Всё хорошо, я уйду, – улыбнулась я. – Простите, что так вышло, мы не со зла.

– Да знаю, что не со зла. – Сторож вздохнул. Он еще немного помолчал, а после всплеснул руками: – Чего ж это я стою, накормить обещался, а сам только разговором и потчую. Погоди, милая, сейчас принесу. А ты пока садись, где хочешь. Я мигом.

И когда он скрылся за дверью, я возвела глаза к потолку и от души прошептала:

– Благодарю.

Похоже, моя удача была со мной, а значит, Хэлл не оставил свою подопечную. И я, ощутив умиротворение, приготовилась ждать свой поздний ужин. Пока всё складывалось весьма недурно, пусть так и останется далее...

Глава 2

Городок Ленсти, расположенный в местечке Ленсти рядом с замком Ленсти, был маленьким, аккуратным и чистым, но более ничего примечательного в нем не имелось. Однако давайте разберемся в этом тройном Ленсти. Итак, замок, где некогда проживала опальная герцогиня Аританская, носил название... да, вы совершенно правы – Ленсти. Таково было имя любимой дочери первого владельца сей цитадели, давно утратившей и свое стратегическое значение, и административное, и даже какую-либо значимость, как и половину внутренних построек. Он принадлежал роду герцогов Аританских уже не менее двухсот лет и был получен вместе с приданым одной из герцогинь, которая, в свою очередь, являлась последним потомком той самой Ленстины (если уж говорить о полном имени).

Земли, на которых располагался замок, получили одноименное название. Некогда это были обширные владения, но с тех пор, как они оказались присоединены к герцогству, ужались до размеров местечка. Местечко Ленсти включало в себя город, замок и деревню, находившуюся рядом с городом.

Что до городка, то он вырос из деревни, которая некогда существовала под стенами замка. И когда селение превратилось в маленький, но все-таки город, то и название у него по-

явилось, соответственно, тоже Ленсти. Вот отсюда и тройное упоминание в почтовом адресе, если бы, конечно, кому-то вздумалось писать сюда. Впрочем, мне писать было некому, даже гостеприимному, но осторожному сторожу мои послания были ни к чему.

Это он рассказал мне об одноименных местечке, городке и замке. Сам. Я не задавала вопросов, иначе выдала бы себя с головой и вместо помощи «сводной сестре Эйриса» могла бы получить совсем иное, и вовсе не помощь. Старичок, неожиданно встретивший слушателя в моем лице, сам переходил с темы на тему, даже особо не обращая внимания, слушаю я его на самом деле или нет.

А я слушала. Мне хотелось знать, что произошло в королевстве за время моего отсутствия и к чему мне быть готовой. Однако разведка не принесла результата. Мой «язык» болтал без умолку, но ни о чем для меня существенном. Он немного помыл кости управляющему замком, который появлялся редко, но каждый раз находил, к чему придрататься.

– А я-то тут при чем? – вопрошал у меня сторож. – Не я же языком мету вместо уборки. А он: «Почему пыль, откуда паутина?» Мое дело – охранять, я и охраняю. У меня слух такой – о-го-го, а глаз знаешь какой зоркий? Ты не смотри, что я развалина, зато зоркая и слышу хорошо. Может, добежать и не успею, но точно услышу.

Я, осоловев после позднего ужина, только кивала, согласная со всем, что он скажет. Подобная покладистость моего

гостеприимного хозяина вполне устраивала. Ему мои ответы были не нужны. Даже если задавал вопрос, чаще всего сам же на него и отвечал, а если и слушал, то ему хватало и мычания. Не знаю, сколько он еще разговаривал, когда я все-таки задремала, но разбудил он меня, когда солнце еще только поднялось над крышами домов. Опять накормил, даже дал в дорогу кусок булки и сыр. А после отправил, пока не пришла обслуга. В общем, расстались мы добрыми друзьями. И пожалуй, этот добрый болтливый старичок остался лучшим воспоминанием о герцогском замке.

А когда я покинула замок Ленсти, то направила стопы в городок Ленсти, где и намеревалась избавиться от подсвечников и прочего добра, чтобы после добраться до Эльде. Но прежде надо было раздобыть денег, так что теперь мне предстояло отыскать местную лавку старьевщика, после станцию, где можно было сесть в дорожный экипаж. В общем, пока всё складывалось весьма неплохо.

Радовало, что лавки открывались рано. Чуть позже распахивались двери дорогих магазинов и салонов, но туда мне было не надо. Так что я была уверена, что долго ни в одном из Ленсти не задержусь. И потому уверенно вошла в город, расположенный в минутах двадцати пешего хода от замка. Тогда-то и увидела, что он хоть и невелик, но чист и опрятен. Это произвело благоприятное впечатление, и я отправилась искать лавку старьевщика.

Города, что большие, что маленькие, имели одинаковое

устройство, и, зная его, можно было легко сориентироваться даже в незнакомом месте. Я знала, потому и уверенно направилась ближе к центру. Бодрый шаг я сбавила, но вовсе не потому, что опасалась пропустить нужное мне заведение. Признаться, испытала некое чувство ностальгии. Нет, тоски по прошлой жизни не было, и даже не вздумайте заподозрить меня в перемене взглядов.

Моя душа жила в Ирэтгене, и уклад тагайни, простой и открытый, был по-прежнему мил моему сердцу, но вот захотелось вспомнить этот подзабытый ход жизни каменных городов. Впрочем, от шумной и суетливой столицы Ленсти отличался очень сильно, однако я скользила взглядом по невысоким на окраинах домам и вдруг поймала себя на том, что на губах моих блуждает улыбка.

На меня поглядывали, но вопросов не задавали. Женщина, подметавшая возле своего дома, повернулась и с минуту взглядывалась, должно быть пытаясь узнать раннюю прохожую. Я улыбнулась ей и, склонив голову, поприветствовала:

– Доброго утра, любезная. Милости богов.

– Доброго, – буркнула она и отвернулась, так и не опознав во мне никого, кто был бы ей знаком хотя бы наглядно.

Затем меня облаяла собака, и я укоризненно покачала головой. На скандалистку это не произвело никакого впечатления, и она, гавкнув еще раз, ушла в свою будку, загремев цепью. А после из-за поворота выехала повозка, груженная бидонами. Пустые бидоны гремели в телеге, и казалось, что

если кто-то еще досматривал сны, то теперь уж непременно проснулся. Я повернулась вслед лошади, деловито цокавшей копытами по булыжникам, коими была выложена дорога, и возница обернулся. Нахмурившись, он с минуту изучал меня взглядом, а после причмокнул, и лошадка зацокала чуть быстрее, а бидоны загремели еще оглушительнее.

Я ожидала несколько иного, если быть честной. Мне думалось, что люди тут будут любопытнее и приветливее. Все-таки Ленсти был маленьким городком, где все если и не знали друг друга, то уж точно видели. Потому мне и казалось, что мое появление пробудит любопытство и вопросы. И если в первом я была права, потому что меня заметили, то любопытство хоть и имело место, но никто даже не поинтересовался, кто я и куда направляюсь.

С одной стороны, меня это устраивало – не надо было ничего выдумывать, хотя историю я заготовить успела. А с другой... после открытых тагайни мне показалось, будто я иду по вражескому стану, где за мной пристально наблюдают. Мысль эта показалась мне неуютной, и я зябко повела плечами. Пока что старый сторож из замка виделся мне милейшим человеком на весь Аритан. Что ж, поглядим, что будет дальше. В конце концов, друзей заводить я всегда умела. Подобрют и ленстийцы.

За этими мыслями я выбралась из окраины в ту часть города, где располагались ремесленные лавки. Среди них должна была находиться и лавка старьевщика. В ломбардах

сидели люди, лучше разбиравшиеся в стоимости тех вещей, которые им приносили. И можно было бы сразу пойти туда, но ломбарды принадлежали банкирам и займодателям, и в этих местах заполняли особые бланки на случай столкновения с законом. А для их оформления требовали представить документы – метрики или паспорт. У меня не было ни того, ни другого, а потому возможности привлечь к себе ненужное внимание шансов было много больше. Потому оставалось надеяться, что старьевщик не окажется совсем уж скредой и даст мне приемлемую цену.

Искомая лавка обнаружилась достаточно быстро. Она находилась в конце улицы, носившей название Малый тупик. Почему так, сказать было совершенно невозможно, ибо тупиков здесь не имелось, ни больших, ни малых, однако название было именно таково. Оставалось лишь предполагать, что означенный тупик все-таки был когда-то, потом исчез, а именование улицы осталось.

Впрочем, это мелочи. Так... к слову. Но вернемся непосредственно на Малый тупик, а точнее, к лавке старьевщика. Она мне приглянулась вывеской и объявлением на дверях. Первая представляла собой изображение шкатулки, изпод приоткрытой крышки которой выглядывали ожерелье, кусочек шляпы и перо. Не знаю, почему именно такой набор изобразил художник, но выглядело это мило. Как и название – «Пыль времен». Очень даже поэтично. Что до объявления, то оно было лаконичным и прямолинейным: «При-

нимаем старые и подержанные вещи. Вам помеха, нам радость». Вот так-то. И я посчитала себя обязанной порадовать держателя «Пыли времен».

Уверившись, что мои подсвечники непременно осчастливят достопочтенного хозяина, я поспешила к двери. И сразу же меня ждал неприятный сюрприз – лавка была еще закрыта. Хмыкнув, я пожала плечами. Ничего страшного, не сейчас, так вскоре она откроется, и я внесу светоч радости в обитель старого хлама, чтобы обменять его на шуршащие ассигнации. В крайнем случае на звенящую монету. И тогда я тоже буду сиять от удовольствия.

Оглядевшись, я заметила старенькую лавочку под сенью деревьев и направилась к ней. Устроив свой саквояж, я уселась рядом и медленно выдохнула. Что ж, пока ожидаю открытия, можно и понаблюдать за жизнью Ленсти. Иной возможности не будет, потому что задерживаться тут я не собиралась ни единой минуты, как только получу возможность сесть в экипаж.

Впрочем, ничего особо любопытного я не увидела. Люди жили своей обыденной жизнью. Раскланивались со знакомцами, обменивались короткими репликами либо же останавливались поговорить. Они посмеивались, иногда поглядывали на меня, пожимали плечами и тут же забывали о моем существовании. Лавочники никого не зазывали, этого не требовалось, потому что покупатели и без того знали, где и что можно купить.

Вскоре мне стало невыразимо скучно. Эта степенность и размеренность жизни небольшого городка показалась мне утомительной. Возможно, если бы я приехала сюда после шумной столицы, то даже нашла бы в этом неспешном существовании некую прелесть. Однако я прибыла из иного места.

Там не было суетливости большого города, но бурлила сама жизнь. Это выражалось неявно, лишь в мелочах, однако мелочах значительных. Да, мне, уроженке этого мира, обитавшей в его реалиях двадцать четыре года, не хватало того безудержного источника, щедро лившегося по улицам Иртыгена и других поселений тагайни, между дамами пагчи и в лесу кийрамов. Боги! Я уже безумно скучала по Белому миру! И глядя на Ленсти, я ощущала нечто сродни тому, что чувствуют, вернувшись с яркого праздника в серую обыденность. И ни пышность королевских чертогов, ни роскошь балов и выездов не могли заменить той простоты и искренности, которой был пропитан сам воздух моего нового дома.

А потом мое унылое уединение разбилось вместе с чьей-то посудой совсем рядом.

– Паршивец! – закричала женщина.

Дверь посудной лавки открылась, и оттуда вылетел взъерошенный мальчишка лет восьми-девяти. Он завертел головой, вдруг заметил меня и бросился к скамейке. Юркнув мне за спину, ребенок присел и зашипел:

– Умоляю вас, госпожа, не выдавайте.

В это мгновение снова распахнулась та же дверь, и на улицу выбежала молодая женщина. Теперь ее взгляд метался из стороны в сторону, наконец добрался до меня.

– Любезная, вы тут мальчонку не видали? – спросила женщина.

– Он побежал туда, – ответила я, махнув направо.

– К дружку своему помчался, – подбоченившись, констатировала лавочница. После тряхнула кулаком: – Уж я ему, паршивцу. – И поспешила в указанном мною направлении.

И пока провожала ее взглядом, я спросила мальчика:

– Это твоя матушка?

– Тетка, – шмыгнув носом, ответил постреленок. – А уши дерет, как родная мать. А за что? – неожиданно спросил паренек. – Подумаешь, махнул рукой, ну и уронил я ейный сервиз, ну и что? Будто это повод взять и оборвать уши честному человеку. А еще тетка!

– Сервиз-то, должно быть, на продажу? – полюбопытствовала я.

– И чего с того? – Он распрямылся и по-взрослому скрестил на груди руки, явно кому-то подражая. – Сервизов много, а племянник у ней один.

– Не могу не согласиться, – пряча улыбку, кивнула я в ответ. – Дорогой сервиз?

– Пф, – фыркнул шельмец, но тут же вздохнул, и я поняла, что посуда недешевая.

– Тетушка у тебя отходчивая? – с сочувствием спросила я.

– Ага, – как-то мрачно ответил мальчишка. – Отходит по хребтине и успокоится.

Улыбнувшись, я продолжила рассматривать говорливого мальчишку. Был он зеленоглаз и светловолос, но на носу и на щеках задорной россыпью рыжели веснушки. Одет он был чисто и опрятно, должно быть стараниями тетушки, но из-под закатанного рукава рубашки выглядывал разбитый локоть. Что было ясной подсказкой о неспокойном нраве мальчишка.

– Ты сирота? – спросила я, думая о том, что воспитывает его тетя.

– Не, – парнишка мотнул головой. – Отец с матерью в деревне живут тут неподалеку. С ними два моих брата и три сестры, а меня сюда спровадили. Мамка говорит, поезжай, сестра моя из тебя человека сделает. А чего из меня его делать, будто я зверь какой? А тетка строже отца. Тот только кулаком погрозит, а эта сразу руками машет. И спуску не даст. Не так повернулся – за уши, не так споткнулся – по хребтине. Я уж и дышать боюсь. – И вдруг всплеснул руками. – Сама спросила где, я и показал. А там этот сервис стоит, ну и задел, ну и упал он. Чего сразу паршивец-то? Нечего было спрашивать, когда я мимо сервиса проходил. Не спросила бы, я бы рукой не махнул, и ничего бы не разбилось. Вот и выходит, что сама виновата, а бить снова меня будет.

– Бедняжка, – сдерживая смех, покачала я головой. – Как тебя зовут?

– Миркель! – прокричал на всю улицу женский голос.

– Ой, – округлил глаза мой знакомец и бросился наутек.

Его тетушка, пробегая мимо меня, укоризненно покачала головой, и поспешила за племянником. А я рассмеялась, вдруг почувствовав себя почти дома. Вот этих вот ярких брызг жизни мне и не хватало в обыденном течении местного существования. Благодарю, малыш Миркель, надеюсь, твои уши сильно не пострадают, а сам ты в следующий раз не станешь размахивать руками и спотыкаться в опасной близости с дорогим товаром.

С этой минуты мне даже стало как-то легче дышать. Расправив плечи, я улыбнулась и повернула голову в сторону лавки «Пыль времен». И как раз вовремя, потому что лязгнул засов, и дверь открылась изнутри. На пороге появился паренек лет шестнадцати. Он мазнул по мне взглядом, широко зевнул, не прикрывшись, а после вернулся в лавку. Направилась туда и я, уверенная, что теперь уж точно порадоую хозяев всем тем хламом, который стащила из герцогского замка.

В моем представлении лавка старьевщика была хаосом, нагромождением старых и никому не нужных вещей, покрытых пылью и паутиной. И хозяин мне виделся неопрятным стариком с шерстяным платком на плечах. И на штанах его должны быть оттянуты колени, непременно оттянуты. Однако ничто из увиденного не соответствовало моим фантазиям.

В лавке царил образцовый порядок. Имелся прилавок и конторка со счетами. Там же стояли чернильница, стаканчик с перьями и причудливое пресс-папье, на верхней части которого свернулась змейка со стертой позолотой на теле. Ее поднятая голова служила ручкой, и в глаза сему гаду были вставлены две маленькие жемчужинки. Должно быть, его когда-то принесли сюда и хозяину эта вещица понравилась, раз он оставил ее себе.

Стояли здесь и витрины, на которых был разложен товар. Ничего особо любопытного, однако по крайне низким ценам, а потому товар должен был пользоваться спросом у небогатой части ленстийцев. Что ж, и я готова была внести свою лепту и украсить полки витрин моими подсвечниками и шкатулочкой.

– Доброго утра, любезная, – мое внимание привлек глубокий мужской голос.

Я повернула голову на звук и приветливо улыбнулась:

– И вам доброго утра, почтенный.

Хозяин, мужчина лет сорока или около того, вовсе не напоминал старьевщика из моих фантазий. Он был крепок и коренаст. Одет опрятно и чисто, усы его были франтовато подкручены концами вверх, волосы гладко зачесаны назад, и из кармана клетчатого синего жилета торчала цепочка брегета. Да и пах хозяин лавки приятно. В общем, его смело уже можно было назвать не старьевщиком, а антикваром.

– Чего желаете? – полюбопытствовал мужчина. – Вы вроде

как на витрину смотрели. Посуду? У нас есть замечательный набор столовых приборов...

– О нет, – подняв руку, я остановила его. – Я бы, напротив, хотела продать. На ваших дверях написано, что пришла я по адресу.

– Ну... что ж, – мужчина опустил на прилавок обе ладони, – показывайте, что принесли. Мы, кстати, обмениваем...

– Мне нужны деньги, – не стала я кокетничать. – Взгляните, сколько вы сможете за это дать?

Хозяин лавки повел рукой в приглашающем жесте, и я, уместив на прилавке саквояж, расстегнула его.

– Как мне к вам обращаться, почтенный? – спросила я прежде, чем достать первый подсвечник.

– Смагли Ханд, – представился мужчина и любезно предложил: – Можете обращаться ко мне по имени. Угодно ли и вам назвать свое имя?

– Дайни Таньер, – с улыбкой ответила я. Имя и фамилию я придумала себе еще ночью, так что ответила уверенно и без задержек.

Впрочем, не особо-то я и придумывала. Просто исказила свой титул в Белом мире и как фамилию взяла имя мужа на манер его произношения пагчи. Так было более благозвучно для моего родного мира.

– Так что же вы мне принесли, госпожа Таньер? – напомнил владелец «Пыли времен» о цели моего визита.

Я достала свою добычу, разложила ее на прилавке и воз-

зрилась на старьевщика в ожидании.

– Сколько вы готовы дать за эти предметы, Смагли?

– Сейчас оценим, – вежливо улыбнулся он и взялся за первый подсвечник.

И пока он вертел сей предмет, я водила взглядом по стене за спиной почтенного хозяина. Там висело несколько грубых репродукций известных мне картин, но было и незнакомое. И судя по всему, это уже были оригинальные работы неизвестного художника. Скорее всего, местного любителя живописи. В них не было и толики той искры жизни, какую я видела в каждом полотне супруга моей сестрицы – его сиятельства графа Элдера Гендрика. Художник, создавший эти картины, рисовал ничуть не лучше, чем я. Скажем прямо – дурно.

Я бы, может, и полюбопытствовала, чьей кисти принадлежит эта грубая мазня, однако не стала. Мне подумалось, а вдруг автором является сам Смагли Ханд или же кто-то из его родственников и старьевщик гордится данными художествами, тогда мне придется лгать, что они чудесны. Врать не хотелось, и потому я перевела взор снова на владельца лавки. Он хмурился.

– Что-то вас смущает? – спросила я, вдруг насторожившись.

– Одну минутку, я еще смотрю, – ответил Смагли Ханд.

Он достал из ящика стола лупу и поглядел на дно подсвечника уже через нее. После отложил первый подсвечник

и взял второй. Но его он уже не рассматривал, сразу перевернул вверх доньшком. Вскоре отложил и взял шкатулку. Затем пришла очередь статуэток, и, наконец, торговец Ханд обратил на меня пристальный взор.

– Где ты это взяла? – спросил он, как-то стремительно перейдя на уничижительную форму обращения.

Если бы я была в Белом мире, то не обратила бы на это внимания, потому что выкали там, только имея в виду компанию более двух человек. Но я была не там, а здесь, и то, что почтенный Смагли перешел на «ты», было дурным знаком.

– Они достались мне от покойного дяди, – спокойно ответила я. – Что вас смутило, Смагли, и отчего вы стали так грубы?

Мужчина не ответил. Он продолжал сверлить меня изумленным взглядом. Мне подумалось, что стоит прервать нашу пока еще не состоявшуюся сделку и, забрав безделушки, поскорее покинуть лавку. Я уже протянула руку к шкатулке, но Ханд перехватил ее за запястье и рывком потянул на себя. Прилавок уперся мне в грудь, и я вскрикнула. Больно было и в груди, и руке, потому что хватка оказалась железной.

– Что вы делаете?! – возмутилась я.

– Никакой дядя тебе эти вещи не оставлял, – уверенно отчеканил старьевщик. – Ты украла их в замке. Или же их украл твой дядя, и тогда ты должна назвать его имя.

– Да с чего вы взяли?!

– На них стоит клеймо Ленсти, – ответил Ханд. – Все вещи

в замке имеют это клеймо. Я знаю это, все в городе знают, потому не вздумай мне врать. Как ты попала в замок или кто твой дядя?

Меня охватила паника. Можно было придумать имя «дяди», но у меня теперь появилось подозрение, что и имена людей, когда-либо служивших в замке, в городе тоже знали. Причина для этого имелась – всю обслугу, скорее всего, нанимали как раз здесь. А так как городок Ленсти был маленьким, то и фамилии тех, кто жил в нем, старьевщик хорошо знал. И значит, если опять совру, он меня подловит.

Однако и признаваться в краже я не собиралась, иначе последует другой вопрос – как я попала в замок. Я знала только двоих человек, кто имел отношение к замку, но сторожа выдавать мне не хотелось, а Эйрис вряд ли бы меня выручил и в этот раз.

– Я не была в замке и ничего там не воровала, – как можно увереннее произнесла я.

– Тогда откуда взяла всё это? – сурово спросил Смагли Ханд.

– Послушайте... – начала я, но старьевщик прервал:

– Не надо заговаривать мне зубы. Хотя можешь и не отвечать, полиции расскажешь всё. У нас тут ворья не любят. И я не стану с тобой возиться, лучше сразу отправлю куда следует.

Боги! Положение было ужасающим! И с этим надо было срочно что-то делать. А пока мои мысли метались в поиске

решения, старьевщик Смагли успел крикнуть сына.

– Зови полицию, – велел Ханд. – К нам тут воровка за-
явилась.

Парень кивнул и выбежал за дверь. У меня на глаза на-
вернулись слезы. И даже не столько из-за того, что меня по-
тащат в полицию и будут допрашивать, а что теперь я могу
и вовсе не попасть в Белый мир. Из тюрьмы найти Элькоса
станет невозможно, и уж тем более не выйдет поговорить с
родителями. Я попросту сгину где-нибудь на каторге, и мой
возлюбленный уже никогда не увидит ни своей жены, ни де-
тей, потому что я его единственная женщина до конца жиз-
ни.

– Нечего слезы лить, – усмехнулся Ханд. – С виду при-
личная женщина, а такое непотребство.

Приличная женщина с виду? С виду?! Да кто он такой,
этот старьевщик Смагли Ханд, чтобы так говорить с дважды
королевой?! И в одном из этих «дважды» я могла бы быть его
королевой! Хвала богам, что не стала, но все-таки! Прилив
негодования был стремительным и отрезвляющим. А дальше
события понеслись столь быстро, что мое сознание едва за
ними успевало.

Схватив свободной рукой подсвечник, я с силой ударила
им по руке старьевщика. Он взвыл и выпустил меня. Швыр-
нув в него проклятым подсвечником, я сдернула с прилавка
саквояж, так и не закрыв его, и бросилась прочь из лавки. И
пока я бежала, одежда начала вываливаться наружу. А когда

упала и книга, я подобрала ее и, выкинув саквояж, побежала, не разбирая дороги.

– Держи ее! – закричал мне в спину Смагли Ханд.

А спустя еще пару минут я услышала противный звук полицейского свистка. Куда я бежала, не знаю, но отчетливо слышала топот нескольких пар ног за спиной, и он приближался. А в какой-то момент мне наперерез кинулся дворник, широко раскинув руки, будто собирался заключить в объятия. Я поднырнула под его руку и побежала дальше.

Влетев в тупик, я завертела головой, отыскивая выход. Звук погони был уже совсем близко. Свистел свисток, и слышалось улюлюканье юноши, должно быть младшего Ханда.

– Стой, воровка! – рявкнул незнакомый мужской голос.

Я повернула голову и увидела, что мужчина в мундире полиции всего в нескольких шагах от меня. Он уже не бежал, как и дворник с младшим Хандом. Кто с ними был еще, я не разглядела, потому что взгляд мой остановился на приоткрывшихся воротах со знаком богини Левит.

– О, Хэлл, – выдохнула я и метнулась к воротам, закричав: – Сестра, помощи! Я прошу защиты Левит!

– Стой! – закричал один из моих загонщиков.

Снова засвистел свисток, но я уже ворвалась под надежную защиту стен Дома дочерей Левит, и ворота закрылись перед мужскими носами.

– Именем закона! – загрохотав кулаком в створу, закричал полицейский.

Женщина, впустившая меня, открыла зарешеченное окошко в воротах и строго ответила:

– Здесь только один закон, и если вы не святотатец, то не смейте угрожать дочерям Левит, или же будете иметь дело с самим патриархом.

– Но вы укрываете у себя воровку! – возмутился полицейский.

– В первую очередь эта женщина – дитя Богини, как и все мы, – парировала служительница Левит. – Она просила защиты Матери, и мы не вправе отказать. Прежде мы выслушаем ее, а уж после будем решать, что делать дальше. Ступайте, господин полицейский, и пусть Богиня не оставит вас своим благоволением.

Окошко закрылось, а из-за ворот донеслась короткая, но витиеватая брань. Служительница обернулась ко мне и произнесла также строго:

– Идем, дитя, старшая сестра выслушает тебя. Но учти, если она посчитает тебя виновной, мы будем вынуждены отдать тебя в руки правосудия.

Кивнув, я последовала за женщиной, и в моей голове кружилась лишь одна мысль: почему я сразу не подумала о дочерях Левит?! Впрочем, знаю. Я человек светский, и, кроме моей любви и веры в Хэлла, в этом мире более никак набожность не проявлялась. Я дружила с патриархом, но больше для дела. А дочери Левит и вовсе оставались теми, о ком я знала, помогала, если обращались, но, в общем-то, особо

не сталкивалась. И ставку на них не делала, сразу общаясь с главой церкви.

Однако же в моей нынешней ситуации именно на них и стоило полагаться, потому что для женщины нет надежнее помощи, чем та, что попросила у ворот дочерей Богини. Осталось только придумать, что им говорить, чтобы не поймали на лжи и не выдали полиции. Вздохнув, я решила быть почти искренней. Изменяю лишь детали, а там, глядишь, и добьюсь расположения старшей сестры. Тогда и до столицы помогут добраться, и вещами снабдят взамен потерянных, и дадут необходимую мне защиту.

Тем временем меня вели по небольшому уютному дворику, среди которого благоухала цветочная клумба. У бело-снежной каменной стены, окружавшей двор, росли кусты сирени, и они тоже цвели и благоухали. Наверное, задержись я тут подольше, и дышать стало бы даже трудно от обилия душистого аромата. Впрочем, может, и нет. Запах был ненавязчив и приятен.

Однако оставим двор и цветы. Тем более мы уже успели войти в высокую лакированную дверь, явно новую, украшенную позолоченной отделкой. Но на этом все роскошества и закончились. Дом дочерей Левит был прост и скромен, но чист и опрятен, как и дворик. Мы поднялись на второй этаж небольшого двухэтажного дома, и моя проводница постучала в одну из дверей.

– Сестра, одна из дочерей Левит просит о защите нашей

Матери, – сказала она, а после посторонилась: – Проходи, дитя.

– Благодарю, – улыбнулась я и шагнула в маленький кабинетик.

За столом сидела женщина средних лет в свободном белом платье, какое носили все дочери Левит. На шее ее висела цепь с серебряным медальоном, внутри которого расходились золотые лучи – знак жизни, знак Левит. Черты лица старшая сестра имела приятные, даже привлекательные. И улыбка ее была тоже приятной.

– Проходи, дитя, – сказала она и указала на кресло для посетителей.

– Благодарю, – снова улыбнулась я.

Пройдя к креслу, уселась и посмотрела на хозяйку этого дома, которой подчинялись все младшие сестры, послушницы и гости.

– Доброго утра, сестра, – несколько запоздало поздоровалась я.

Она чуть склонила голову, отвечая, однако вслух так ничего и не произнесла. Сидела и смотрела на меня столь пристально, что я ощутила поначалу смущение, после недоумение, а затем и вовсе раздражение. Поведя плечами, чтобы стряхнуть давящее чувство внимательного взора, я прочистила горло и представилась:

– Мое имя Дайни, Дайни Таньер. И мне нужна ваша помощь...

Женщина вдруг откинулась на спинку своего кресла, сложила на животе руки и улыбнулась.

– Матушка любит искренность и прямодушие, – произнесла старшая дочь Левит. – Не стоит искать ее помощи, начиная со лжи. Я допускаю, что вам эта ложь необходима, чтобы скрыть свою личность, но со мной вы можете быть откровенной. Ни одна ваша тайна не покинет этих стен, Богиня мне свидетельница.

Я не спешила с ответом. Теперь я не спускала взгляда с сестры, пытаюсь понять, чего она от меня ждет и что ей ответить. Хорошо, я допускаю, что клеймо герцогского замка в городе хорошо известно, тем более в тех местах, куда могут принести краденое, но отчего эта уверенность, что я лгу о своей личности?

– Что вы хотите этим сказать? – осторожно спросила я. – Отчего вы уверены, что я вас обманула? И зачем мне это делать?

– Хорошо. – Она распрямилась и протянула руку к небольшому портрету, который стоял у нее на столе. Затем развернула ко мне и улыбнулась.

Я посмотрела на портрет, затем на женщину, и она произнесла:

– Простите, ваше сиятельство, но мы почитаем вас и храним ваш портрет наравне с изображением Богини. Для нас вы ее воплощение на земле, уж пусть Матушка простит меня за кощунство, но это так. Никто так много, как вы, не сдела-

ли для всех наших сестер на землях Камерата.

Да, это был мой портрет, написанный удивительно точно. Теперь я и вовсе растерялась, не зная, радоваться ли мне, что была открыта столь стремительно, или же бежать и из обители покоя и благочестия, как бежала из лавки старьевщика. Должно быть, дочь Левит прочитала в моих глазах эту мысль, потому что подняла руки и поспешила заверить:

– О, не волнуйтесь, ваше сиятельство, не волнуйтесь! Мы не раскрываем тайн ни прачки, ни дочери банкира и уже тем более не раскроем тайны женщины, которую уважаем всем сердцем и почитаем почти за святую.

– Ох, – я отмахнулась, вновь чувствуя смущение, – я вовсе не святая. Не стоит ценить меня столь высоко.

– По делам, ваше сиятельство, по делам, – возразила мне старшая дочь Левит. – Мы не воздаем лишнего, но и недооценивать не станем. Уж поверьте, я отдаю себе отчет в том, что говорю. Но перейдем к сути дела. Какой помощи вы ожидаете от нас, госпожа графиня?

И вот тут я обратила внимание, что женщина ни разу не обратилась ко мне как к герцогине. То есть Ив лишил меня Канатора, едва столкнул в портал? Хм... Возможно, это добрый знак, весьма добрый. В этот момент мой взгляд упал на газету, лежавшую на углу стола.

– Позвольте? – спросила я, и гостеприимная хозяйка кивнула.

Я взяла газету, развернула ее и бегло пробежалась по за-

головкам, однако через мгновение замерла, пытаюсь понять, что меня смутило. Нахмурившись, я снова прочитала заголовки. В них не было ничего этакого. Газета была местной и сообщала о здешних мелочах, которые никак меня не заинтересовали. Но вот я подняла взор выше к названию и...

– Боги, – выдохнула я.

Руки вдруг задрожали, столь велико было мое ошеломление, и газета выпала из пальцев.

– Вам дурно, ваше сиятельство? – Старшая дочь Левит поднялась из-за стола и поспешила к графину с водой, стоявшему на маленьком столике в углу кабинета. Вскоре она поднесла мне стакан. Машинально взяв его, я сделала глоток и подняла на нее взгляд, а затем с моих губ сорвалось ошеломленное:

– Три года?

– Не понимаю, – ответила женщина.

– Прошло три года, – всё еще пребывая в крайней степени потрясения, сказала я. – Но... как? И года ведь еще не прошло, как я...

И, подхватив газету, я снова посмотрела на дату.

– Эта газета верна? Дата верна? – спросила я, уже не сводя взгляда с женщины.

– Более чем, – ответила она. – Это утренняя газета, мне доставляют ее прямо из типографии. Но что вас смутило? Вы не знали, какой сейчас год?

– Да откуда же мне это было знать, если я отсутствовала...

– так и не договорив, я в прежнем потрясении повторила: – Три года...

В кабинете повисла тишина, нарушаемая лишь тиканьем настенных часов. Признаться, мне до них не было дела вовсе, я пребывала в состоянии ступора, пытаюсь осознать невероятное. Как же такое возможно? Я попала в Белый мир посреди зимы, а вернулась за день до наступления осени там. Однако в моем родном мире успело пройти три года. Разное течение времени? Или же столько длится переход сквозь пространство? Тогда к мужу я вернусь тоже спустя три года? Или же для него пройдет не больше пары дней? Ах, кабы так...

Но уже в следующее мгновение я мотнула головой. Три года! Выходит, родные мне люди уже отчаялись увидеть меня? Что же они успели пережить за это время? Моя бедная матушка, как же, должно быть, она страдала! Ее единственное обожаемое дитя исчезло без следа и не вернулось ни спустя год, ни два... Надеюсь, что она нашла утешение в Амбер и ее детях. Все-таки сестрица была для моих родителей почти дочерью, и с моим исчезновением им осталась близкая душа. А еще наше дело...

Наше дело! Я вскинула голову и посмотрела на старшую сестру и обнаружила, что она продолжает наблюдать за мной. А я не знала, о чем спросить ее. Прежде всего хотелось узнать, слышала ли она хоть что-то о моих родителях и прочей родне. Конечно, данная обитель стояла в Аритане, но раз меня тут почитают, то должны знать и тех, кто служил наше-

му общему делу.

Стоп! Я заставила себя умерить пыл и задумалась. Кое-что и без того было ясно. И это лежало на поверхности, осталось лишь подвести итог. Дочь Левит обращается ко мне сообразно графскому титулу, не упоминая герцогский. И это верно, потому что король за три года обязан был вернуть короне ее земли, а значит, признать меня погибшей. Не пропавшей без вести, а именно погибшей. И это хорошо.

Однако Тибад он за мной оставил, стало быть, он перешел к моим родителям по наследству. И это тоже очень хорошо, потому что на них Ив не отыгрался за собственный грех. А если это так, то матушка с батюшкой продолжают управлять графством и, возможно, развивают начатое дальше. Прекрасно! Надеюсь, что с последним я не ошиблась. Было бы горько и обидно потерять всё, чего мы достигли.

– Ваше сиятельство, – наконец заговорила старшая сестра, и я, едва отведя взор, вновь обратила его на гостеприимную хозяйку. – Я ведь не ослышалась, и вы сказали, что прошло не более года, как вы исчезли. Да и ваш потрясенный вид говорит о многом. Могу ли я узнать, как так вышло, что вы пропустили два с лишним года?

И я вновь задумалась. Стоит ли быть откровенной с незнакомой женщиной, даже если эта женщина – служительница культа Левит? По сути, да. Но... Хотя она и без того знает уже много. Кто я, что пропустила два года из трех минувших и что нахожусь в затруднительном положении. Если бы

она хотела власти надо мной, достаточно было бы и одного имени. Однако на столе старшей сестры мой портрет, и он тут явно не для того, чтобы меня могли сразу опознать. Не в обители Богини размещают такие портреты.

– Ну... хорошо, – решила я. – Но прежде я бы хотела знать, что пропустила. Расскажите мне, сестра, прошу.

– Как скажете, ваше сиятельство, – не стала спорить женщина.

Она вернулась за стол. И, усевшись, с минуту поглаживала столешницу, явно раздумывая, с чего начать. Я решила помочь.

– Давайте начнем с событий в Аритане, произошедших три года назад после моего исчезновения. Герцогиня...

– Я поняла, – улыбнулась дочь Левит. – Слушайте...

Глава 3

Стук в дверь меня не разбудил. Я уже успела проснуться четверть часа назад и даже умылась и оделась.

– Госпожа Таньер, – позвал меня голос из-за двери. – Завтрак готов, спускайтесь.

– Благодарю, сестра, – отозвалась я.

Шел третий день моего нахождения в стенах обители дочерей Левит в Ленсти. Мне не хотелось задерживаться, но это было необходимо. Жила я в гостеприимных стенах под вымышленным именем, так мы решили со старшей сестрой, носившей имя Элиен. Услышав его впервые, я едва не прослезилась, потому что такое же имя носила и моя дорогая родительница. А сестра Элиен в чем-то даже заменила мне мать на то время, пока я находилась под ее защитой.

А защита и вправду была. Для начала как раз мое выдуманное имя. Настоящее знали все, но вот как я выгляжу – единицы. Дело в том, что изображение имелось лишь в комнате старшей дочери Левит, и обычно оно было повернуто к посетителям изнаночной стороной. Потому чаще других на него смотрела, конечно же, хозяйка кабинета. Для остальных, кто его видел, я все-таки осталась тенью. Причина проста. Люди не обращают особого внимания на то, что воспринимают предметом обстановки. И единственное, что им за-

помнилось, – это ярко-рыжие волосы, но лицо осталось в памяти размыто, а после моего появления портрет и вовсе переместился туда, где за него не цеплялся случайный взгляд. Но было и еще кое-что: кому могло прийти в голову, что скромную обитель в далекой провинции могла посетить сама Шанриз Тенерис, пропавшая без вести три года назад? А вот Дайни Таньер – вполне. Таких, как она, немало.

Лишь одна из сестер еще вечером первого дня после того, как некоторое время рассматривала меня во время ужина, сказала:

– Вы чем-то схожи с ее сиятельством графиней Тибад, упокой Богиня ее чистую душу. Славная была женщина.

– Правда? – удивилась я.

– Волосы так уж точно похожи цветом, – кивнула сестра. – Жаль, что боги так рано забрали ее сиятельство, сколько еще добра она могла бы принести Камерату. Так жаль.

Все, кто находился за столом, включая меня и старшую дочь Левит, скорбно помолчали, а после перешли к другой теме и уже более к моей схожести с «покойной» графиней не возвращались. Так что Дайни Таньер утвердилась в своих правах сразу же и жила своей выдуманной жизнью в ожидании, когда будут готовы бумаги для поездки в столицу, куда ее должна была сопроводить одна из сестер, которой глава обители нашла неотложное дело в главной обители дочерей Левит. Невероятная женщина!

Я рассказала ей о своем перемещении. В мире, где су-

шествует магия, поверить в мое путешествие было несложно. Признаться, я не жалела о своей искренности. Сестра Элиен показала себя умной и прозорливой женщиной, потому отнекиваться и говорить, что она мое потрясение поняла неверно, было бы глупо. Сказав же правду, я получила в ее лице помощницу, которая быстро сообразила, как мне помочь и уберечь в пути от новых неприятностей. Все-таки одинокая женщина в дороге подвержена опасности, а вот дочь Левит никто тронуть не посмеет, как и того, кого она сопровождает.

Впрочем, мне предстояло примерить на себя одеяние служительницы. Помимо «защитных доспехов», этот наряд был примечателен из-за головного убора – покрывала, который должен был скрыть мои волосы. И это было лучше, чем капюшон. Так что мне было за что благодарить сестру Элиен, и это не говоря о документах, которые сейчас делали для меня по просьбе старшей дочери. Мы даже придумали мне место рождения: герцогство Аритан, округа Дискирт, город Фьел. Возраст, разумеется, 25 лет. Что до семейного положения, то мы оставили меня незамужней, потому что «господин Таньер Таньер» звучало как-то нелепо, а иного имени своему супругу я не желала выдумывать, как и превращать себя во вдову. Это казалось мне кощунством и дурным предзнаменованием. Потому осталась старой девой, но кто же в этом упрекнет дочь Левит, которая посвятила себя служению Богини? В общем, для меня всё складывалось наилучшим об-

разом.

Но вернемся в день сегодняшний. Меня ожидали к завтраку, и я не стала испытывать терпение гостеприимных сестер. Собрав со стола свою работу, за которой провела весь вчерашний день и вечер, я любовно погладила книгу Шамхара и спрятала с глаз подальше. Свое сокровище я берегла даже там, где на него некому было покушаться. Но ответственность, возложенная на меня, была неизмеримо велика, и я не могла рисковать даром Белого Духа.

– Сияющий в Пустоте, – прошептала я.

Но тряхнула волосами, не позволяя себе уйти от реальности, и поспешила покинуть выделенную мне комнату. Она была небольшой и без изысков, но светлой и уютной. Здесь было всё, что требовалось для жизни: кровать, стол, стул и небольшой шкаф, где хранился сейчас костюм, в котором я ушла из замка Ленсти, и плащ. Больше ничего из прихваченных вещей не осталось, всё рассыпалось, пока я бежала. Но жаль мне было лишь мое платье из Белого мира. А более мне ничего и не требовалось.

Нижние сорочки и новые штаны с чулками мне выдала кастелянша из запасов обители. Нашлась и обувь, подходившая мне по размеру, но кейги я всё равно оставила при себе. Если не платье, то хотя бы туфельки были мне напоминанием о моем новом доме и утраченной жизни. И я изо всех сил надеялась, что утраченной лишь на время. Что до верхней одежды, то я уже надела платье дочери Левит. Пока

без покрыва на голову, он был сейчас не нужен.

В остальном я более ничем на обительниц Дома дочерей Левит не походила, кроме одежды. Трапезничала с ними, хоть Элиен и говорила, что при желании мне будут доставлять еду в комнату, но мне нравилось сидеть среди женщин и слушать их негромкие разговоры. И сказать по чести, мне всегда казалось, что сестры беседуют на духовные темы, ведут теологические споры и среди них царит сплошная благодать и умиротворение. Однако оказалась права только в отношении умиротворения. Оно царило в самой атмосфере обители, но на этом и всё.

О нет! Сестры были благочестивы и Богине поклонялись, как того велит душа, культ и данные обеты. Но разговоры велись вполне себе светские. Бывали и сплетни, и шутки тоже не являлись редкостью в этих стенах. Да, громко не хохотали, но улыбались и смеялись немало. Что бы я ни думала о дочерях Левит прежде, но они жили общиной, а вовсе не в строгой изоляции от мирской суеты.

По городу без дела не болтались. За ворота без нужды не выходили и к себе особо никого не пускали. К примеру, полиция так и не сумела пробиться через твердое «нет» сестры-привратницы, и даже не за мной, а к старшей дочери Левит для беседы. Элиен передала, что сама придет в управу и выслушает всё, что ей желают сказать. Если же стражи порядка будут и дальше творить непотребства и пытаться войти в Дом Богини, то очень об этом пожалеют. Удивительно,

но повторять дважды не пришлось, и полицейские ушли, а старшая сестра и не думала идти к ним в ближайшие дни.

– Успеется, – отмахнулась она.

Но оставим полицейских и их пустые чаяния. Обо мне они могли позабыть. Тем более всё похищенное мной уже, должно быть, вернулось в замок. Я же задерживаться в Ленсти дольше, чем того требовало ожидание, не собиралась. А вот позавтракать намеревалась без всяких сомнений. И я вошла в гостеприимно распахнутые двери трапезной, где за двумя длинными столами уже собрались сестры. Не хватало только меня и Элиен. Но ожидать долго не пришлось, старшая сестра появилась, как только я уселась на отведенное мне место.

– Приступим, сестры, – кивнула глава Дома Левит. – Сестра Нонни.

Указанная дочь Богини кивнула и поднялась на ноги.

– Матушка, – произнесла она, воздев очи к потолку, – благодарим тебя за новый день. Пусть он будет таким же добрым, как и минувший. Не оставь нас своей любовью и милостью. Освети землю Камерата благодатью, даруй покой и процветание государю нашему и его супруге. Пусть здравствуют они, а скорые роды принесут нашему королевству здорового наследника. Молим...

– Молим, – тихим эхом отозвались мы, и Элиен простерла руку над столом:

– Приятного насыщения, сестры.

Вас что-то удивило? О нет, вы не ослышались, Ивер Вто-

рой Стренхетт был благополучно женат уже почти два года, а его супруга вскорости должна была подарить Камерату долгожданного наследника. И когда я узнала об этом, то возликовала. Он. Женился! Женился!!! И не на мне, что оказалось лучшей новостью с момента моего возвращения в родной мир. Но по порядку.

Ивер Стренхетт женился спустя полтора года после того, как столкнул меня в портал. Искал он меня, ждал ли возвращения – этого я сказать не могу, Элиен того знать не могла. Но вот какие выводы сделала я. Искали меня недолго. И вот почему я так считаю. У него точно не было на примете другой претендентки в королевы. И не потому, что он был от меня без ума и не видел подле себя никого иного, а, как я уже говорила, государь Камерата не любил менять свои намерения. Более того, он терпеть не мог, когда его планы рушились, и потому, решив, что королевой должна стать я, он шел к нашему браку, не ведая сомнений и не видя преград. Ради этого он не мешал мне и моему роду вершить реформы, поднимал меня от баронессы до герцогини и владелицы наиважнейшей части Камерата. Даже если бы Ив вдруг меня возненавидел, он всё равно бы женился, ибо лет и усилий было потрачено немало. И он обязан был поставить точку. Но... не случилось.

Так вот. Зная эту черту в норове короля, я со всей уверенностью говорю, что других кандидатур не было, даже на случай моей непредвиденной и скоропостижной смерти. Од-

нако, едва минуло полтора года, как Его Величество отвел в храм иную невесту. И ею была не «взращенный в королевском саду цветок», уж простите мне это поэтическое сравнение, а самая настоящая принцесса. То есть король должен был потратить время на подбор, на сватовство, на заключение брачного договора, на подготовку к свадьбе, ну и, как результат усилий, сама свадьба. Выходит, если он и надеялся на мое возвращение, то не более полугода. Далее начались поиски другой жены, потому что ему уже минуло сорок, и времени на рождение и воспитание наследника оставалось всё меньше.

– Знаете, ваше сиятельство, – говорила мне сестра Элиен, – когда прозвучало оглашение свадьбы государя, я испытала двойственные чувства. Меня неожиданно разозлило это. Он собирался жениться на вас, но выбрал другую. Впрочем, когда прозвучало оглашение вашей с ним свадьбы, я тоже не осталась равнодушной. Но тут у меня было одно чувство – сожаление. Мне было бесконечно жаль, что ваша прекрасная песня оборвется, едва дверца клетки хлопнется. И если когда-то я радовалась его дальновидности, что позволил вам менять нашу жизнь, то после оглашения сразу стали понятны все королевские дары. Государь возвышал вас лишь для того, чтобы ввести в храм. Была надежда, что Ивер Реформатор не остановится на уже достигнутом, но день вашей свадьбы близился, а изменений в законах Камерата не было. Я тогда пристально наблюдала за всеми поправками и

уточнениями, однако так ничего и не дождалась. Вот тогда я осознала, что вас закроют во дворце и на этом всё закончится. И все-таки, когда он назвал другую невесту, я ревновала. Попросту искренне не понимала, как же можно выбрать кого-то другого?

Я тогда улыбнулась и ответила:

– Ему был нужен наследник, а не пустая надежда на возвращение исчезнувшей невесты.

– Потому я и говорю, что чувства были двойственные. С одной стороны, я радовалась за Камерат, с другой – ревновала. Но лучше уж пусть это будете не вы.

– Так или иначе, но мой путь в этом мире окончен, – сказала я. – Мой новый дом ждет меня, и там я могу дать много больше, чем здесь. Я положила начало переменам, их развитие зависит уже от людей. Я рада, что моему роду было позволено продолжать наше дело. Значит, я и вправду сделала всё, что могла.

Элиен немного помолчала, явно раздумывая над моими словами, а после кивнула:

– Наверное, вы правы, ваше сиятельство. Наш мир сформирован и развит. Если в нем что-то и стоит изменять, то лишь частности, и вы сделали первый шаг, который был принят нашей цивилизацией. Маховик запущен, и остановить его будет уже сложно. Это вызвало бы непонимание дворянства и волнение среди простонародья. К тому же в начинаниях вашего рода нет ни ереси, ни крамолы, ваши деяния

угодны богам, и это подтвердил сам святейший. Так что и церковь тоже не одобрит разрушения достигнутого. Хвала Матушке и всем богам, наш государь разумен, он не пойдет на это.

– И это неизменно радует, – улыбнулась я.

Да-да, мой дядюшка продолжал наше дело. Мои опасения оказались напрасны, король не обрушил своего гнева на мой род. По крайней мере, Элиен не слышала о каких-то потрясениях в семействе Доло. Более подробно мне сможет рассказать сам его сиятельство, что происходило после моего исчезновения, потому гадать и что-то выдумывать я не стала, просто набравшись терпения. Я ведь теперь тагайни, пусть приемная и рыжеволосая, но все-таки тагайни, а мои сородичи умеют ждать и не терзать себя лишними вопросами. Всему свое время.

Но вернемся к Иверу Стренхетту. Ее Величество королева Камерата Бранда Атаверская была уроженкой морской державы Атавер, раскинувшейся на противоположном берегу Тихого моря. Можно сказать, соседи. Выгод от этого союза было немало. Одно только прекращение взаимной охоты на торговые караваны друг друга, которая велась всегда в отместку, но кто и кому мстил, уже, кажется, никто не помнил. Впрочем, посольства имелись и в Атавере, и в Камерате, и поздравления с важными событиями мы тоже не забывали отправлять друг другу, что не мешало пиратствовать и грабить. Но это в отместку, вы, разумеется, помните. И неглас-

но.

В общем-то, особо долго повествовать об этом государстве и его правителях я не стану, в этом нет необходимости. А вот о принцессе Бранде могу сказать, но тоже немного, ибо Ее Высочество в мою бытность при дворе интереса для Камерата не представляла. Когда я исчезла, ей едва исполнилось семнадцать. Помнится, посол Атавера как-то отзывался о принцессе как о милой и скромной девушке, воспитанной в лучших традициях. Он намекал на возможность союза, однако тогда это было не ко времени. А после моего исчезновения, выходит, время пришло.

Я спрашивала Элиен, нет ли у нее портрета юной королевы, из любопытства. Однако портрета в обители не имелось, возможно, по причине той самой ревности. Впрочем, она уверяла, что после приступа сего недоброго чувства молилась Матушке и снискала благодать. Но на появлении портрета Ее Величества это никак не сказалось. Он попросту был не нужен дочерям Богини. Оставалось довериться послу. В любом случае я желала супруге Ива Камератского терпения, сил и душевного покоя. Во мне ни ревности, ни соперничества, ни даже сожалений не было.

Главную свою задачу королева выполнила – понесла. И если вспомнить, сколько детей желал король, то ходить ей в тягости еще несколько последующих лет. Оставалось надеяться на ее отменное здоровье и что Ив не поступит с ней так, как желал поступить со мной, чтобы устранить от вся-

кой деятельности. В конце концов, Бранда угрозы для его единоличной славы и величия не представляла. Возможно, у нее будет больше свободы. Правда, и разочарований немало, зная привычки нашего государя.

– Пусть Богиня не оставит нашу королеву, – от чистого сердца пожелала я тогда.

Ну и более сказать мне нечего. Разве что, по рассказам Элиен, свадьба отмечалась шумно и щедро на протяжении нескольких дней. Отзвуки празднеств докатились и до Ленсти. В городе по этому поводу было гулянье с бесплатной выпивкой, угощением и танцами.

– Сестра Элиен, – одна из дочерей, сегодня дежурившая у ворот, вошла в трапезную. Все взгляды устремились на нее, но уже через мгновение все, кроме меня, потеряли интерес и вернулись к прерванной трапезе и негромкой беседе. Я же продолжала слушать то, о чем говорила привратница. – Прибыл посыльный от вашего кузена.

– Благодарю, – ответила старшая дочь и, бросив на меня взгляд, улыбнулась.

И я ощутила удовлетворение – принесли мои новые документы. Элиен кивнула сестрам и вышла из трапезной. Я спешно закончила завтрак, поблагодарила сестер за приятную компанию и последовала за главой общины. Нет, я не намеревалась врываться в ее кабинет, даже на глаза посыльному попадаться не собиралась, но решила дождаться, когда моя покровительница освободится. Потому остановилась у

окна, выходявшего во двор обители, где всё еще ожидал позволения подняться наверх мужчина средних лет.

Его путь мимо меня не пролегал, и для визитера я оставалась неприметна, зато я хорошо слышала его шаги, когда он поднимался по лестнице и шел до кабинета старшей дочери Левит. Вскоре он ушел, и я, дождавшись, когда незнакомец выйдет за ворота, наконец устремилась к Элиен.

– Ну вот вы и Дайни Таньер не только на словах, – улыбнулась женщина. – Его милость исполнил мою просьбу даже быстрее, чем я ожидала. Уже сегодня вы можете выехать в столицу, если пожелаете. Признаюсь, мне было бы жаль расстаться с моим кумиром так скоро. И если вы посчитаете, что можете позволить себе еще пару дней провести под нашей гостеприимной крышей, то я буду искренне рада. Однако понимаю, что вам хотелось бы поскорей завершить свои дела, а потому не смею задерживать. К поездке всё готово.

– Вы невероятны, Элиен, – со всей искренностью ответила я. – Вы – дар моего Покровителя. Хэлл знал, куда направить меня. – И я невольно усмехнулась. – Удивительно, как боги щедры ко мне. На своем пути я встречала немало достойных и благородных людей, знакомство с которыми почитаю за честь. Теперь среди них есть и вы, сестра.

– Полноте, ваше сиятельство, – отмахнулась старшая дочь, но я видела, что ей приятно. – Я всего лишь воздаю должное женщине, которой неизменно восхищалась за ее смелость и ум.

– И тем не менее, – сказала я, но продолжать взаимные восхваления не стала. Мы и без того сказали друг другу то, что лежало на сердце. – Стало быть, я могу отбыть уже сегодня?

– Да, – кивнула Элиен. – В пять вечера отправится экипаж до Свейсти, там вы заночуете, а утром сядете на экипаж до Эльде, откуда, как вы и желали, продолжите путь по реке. И пусть Матушка не оставит вас своей милостью, как Великий Странник Хэлл и Белый Дух, о котором вы мне рассказывали. Вы – любимица богов, Шанриз, – улыбнулась женщина. – И это неудивительно. У вас невероятная судьба, и я по-доброму вам завидую. Впрочем, вы ее заслужили. Надеюсь, что там ваша звезда будет сиять так же ярко, как сияла нам.

– Иначе быть не может, – ответила я. – Оба моих имени означают «свет».

Я легко рассмеялась, и старшая дочь улыбнулась:

– Истинно так, ваше сиятельство.

После передала мне паспорт, и я с любопытством и пристрастием рассмотрела его. Ничто в нем не выдавало подделку, но иначе и быть не могло. Кузен Элиен был главой магистрата и выполнял некоторые просьбы своей сестры, касавшиеся выправки документов для ее подопечных. Так что и паспорт мой был самым настоящим, выписанным на казенной гербовой бумаге и со всеми надлежащими печатями.

– Замечательно, – подвела я итог своему осмотру. – Его милость просто чудо.

– Мы были дружны в детстве, – ответила Элиен. – Арвин даже был влюблен в меня и просил выйти за него замуж, но я выбрала иную долю. Однако он по-прежнему тепло относится ко мне и порой выполняет разные просьбы, не задавая лишних вопросов. Впрочем, он знает, что я не буду причастна к чему-то дурному и тем более не втравлю его в неприятную историю. Кузена я тоже люблю, правда как брата, и жениха в нем не видела даже в пору, когда еще не надела платья дочери Левит.

Я с пониманием улыбнулась и отвела взор, вспомнив о том, кто был мне другом и мог также выполнять просьбы, не задавая вопросов, – о бароне Гарде. Мне безумно хотелось увидеться и с ним, узнать, как его милость прожил эти три года и что нового произошло с ним. Однако встречу я оставила под вопросом. Я ни минуты не сомневалась, что Фьерни словом, ни намеком не выдаст моего возвращения, но загадывать всё же не хотела. Если выйдет, то мы непременно свидимся, если же обстоятельства сложатся иначе, то я попросту передам ему послание через дядюшку или оставлю как есть. В конце концов, у его милости было всё, что необходимо для счастья и утешения, – его семейство. Он, разумеется, должен был переживать мое исчезновение, но не настолько, как мои родные, и потому именно они были для меня на первом месте. Ну и магистр Элькос, с ним, кроме добрых отношений, у меня были связаны надежды.

Стук в дверь вывел меня из задумчивости. Элиен позво-

лила войти, и вновь это была сестра, дежурившая на воротах.

– Сестра, к вам пришел управляющий Ленсти. Просит принять его.

Элиен посмотрела на меня и вздохнула:

– Пропустите его, сестра, я приму.

И когда «привратница» вышла, я сказала:

– Пожалуй, в этот раз я не стану прятаться. Он идет по мою душу, и я готова принять участие в беседе.

– Ваше сиятельство...

– Опасаюсь, что милый сторож уже пострадал, – пояснила я. – Хочу попытаться помочь ему сохранить место.

– Но как же вы объясните свое появление в замке? – спросила Элиен. – Не станете же вы говорить, откуда явились.

– Правду не скажу, – улыбнулась я.

– Ох, ваше сиятельство, – вздохнула старшая дочь Богини, – вы знаете, что делаете. В любом случае в этих стенах вам ничего не угрожает, мы вас не выдадим.

– Надеюсь, я смогу и вас избавить от дальнейших вопросов и домогательств местных властей, – сказала я, и в дверь постучались.

Управляющий замком оказался мужчиной лет тридцати пяти, строгим с виду, но внешне приятным. Я не имею в виду привлекательность, но располагающий внешний вид. Опрятный, подтянутый, с волевыми чертами лица. Взгляд его был прямым и внимательным. Мое присутствие, хоть я пока и села в дальний угол кабинета, не осталось незамеченным. Взор

управляющего скользнул по мне почти сразу.

– Доброго дня, сестры, – произнес мужчина.

– Доброго дня, – благожелательно ответила Элиен. – О чем вы хотели со мной поговорить, господин Вельмхест?

– Я хотел говорить с вами наедине, – заметил тот. – Однако мне думается, что причина моего визита в обитель находится прямо сейчас в этой комнате. По описанию сестра, которая сидит здесь, похожа на ту женщину, которую вы укрыли от закона.

Элиен подняла руки и соединила кончики пальцев.

– Это Дом Левит, господин Вельмхест, – ответила она. – Под этой крышей найдет приют каждый, кто нуждается в помощи, тем более женщина. Если же вы подразумеваете нечто дурное под своей фразой, то лучше вам покинуть эти стены. Я не потерплю намеков и обвинений в чем-либо дурном и непристойном.

Управляющий поднял руки и отрицательно покачал головой:

– Великодушно прошу простить меня, сестра. Я не желал вас ни оскорбить, ни обидеть. И все-таки вы укрыли у себя женщину, которая пыталась сбыть вещи из замка.

– Левит направила меня в свой дом в тяжелую для меня минуту, – заговорила я, более не желая оставаться лишь слушателем. – Я готова ответить на ваши вопросы, господин Вельмхест, если вы желаете говорить, а не обвинять, прежде не узнав подробностей. Могу заверить вас, лишь нужда за-

ставила меня пойти на дурное дело, но не злой умысел.

Он полностью развернулся в мою сторону и вопросительно приподнял брови. Скромно потупившись, я кивнула:

– Именно так, господин Вельмхест.

Управляющий осмотрел меня более пристально. Наконец коротко вздохнул и произнес:

– Хорошо, я готов выслушать вашу историю. Как вы попали в замок?

Поднявшись со стула, я прошла по кабинету, зябко потирая плечи, остановилась у окна и с минуту смотрела в него, покусывая губы. Наконец порывисто обернулась и, накрыв лицо ладонями, замотала головой:

– О, Богиня, мне так стыдно, так стыдно... – пробормотала я.

– Говорите, – повторно велел управляющий, а Элиен потребовала:

– Не давите на нее, господин Вельмхест, дайте собраться с мыслями.

И когда я, судорожно вздохнув, все-таки убрала руки от лица, в глазах старшей дочери Левит застыло неподдельное любопытство. Если управляющий ожидал моих откровений, как ожидает следователь признания преступника, то хозяйка обители явно пребывала в роли зрителя на театральной постановке. И я не стала обманывать ее ожиданий. Заламывая руки и сбиваясь, я поведала душещипательную историю, сшитую мною, словно лоскутное одеяло, из кусочков чужих

историй, включая свою собственную.

О-о, это и вправду было романтично, драматично и даже трагично. Будь у меня богатый литературный дар, то дамы рыдали бы, но я всего лишь собрала калейдоскоп и теперь позволяла заглянуть в него управляющему замком и моей чудесной покровительнице, которая слушала меня, приоткрыв рот. Она даже пару раз охнула и прижала ладонь к груди. Впрочем, чтобы не выдать, что слышит сие повествование впервые, быстро брала себя в руки и становилась строга и печальна, однако вскоре вновь слушала затаив дыхание. А я, вдохновленная реакцией благодарной публики, продолжала свое наглое и беззастенчивое, но красочное вранье, не скупясь на мелодраматические приемы.

Вам ведь любопытно узнать, что привело Дайни Таньер в стены замка Ленсти? Ну так слушайте! Разумеется, дело было в любви, а как иначе? У нашей милой Дайни был жених, любимый и любящий. Однако оба семейства были стеснены в средствах, и молодой человек уехал на заработки. Желая заработать побольше, он нанялся на корабль матросом на пять лет.

Дайни обещала его ждать и ждала! Она вела тихую, благопристойную жизнь, избегая шумных гульбищ и празднеств. Готовила себе приданое и помогала отцу в его лавке по мере своих девичьих возможностей. И всё могло бы быть прекрасно, но! Однажды в лавке появился покупатель, который изменил судьбу бедняжки. Конечно же, он влюбился в де-

вушку!

Ухаживал и даже сделал предложение. Родители, посчитав мужчину достойной партией, дали согласие, однако Дайни не желала изменять своему возлюбленному, которому остался последний год службы. Она отговаривалась, упиралась, но слушать ее не желали. А поклонник, распаленный упорством невесты, вознамерился отвести ее в храм во что бы то ни стало. Он сговорился с родителями бедной девушки, и они объявили, что свадьбе быть, даже если дочь придется нести в храм связанной на руках.

Тогда Дайни поняла, что должна бежать к своему возлюбленному, чтобы он защитил и женился, более не откладывая, тем самым не позволив свершиться неправомерному делу. И она сбежала. Собрала все деньги, какие скопили для нее родители, подвенечное платье, которое сшила к дню свадьбы, одежду в дорогу и ночью выбралась в окно. И всё было бы хорошо, но...

Она села в утренний экипаж, а уже днем на остановке, когда пассажиры вышли, чтобы пообедать, Дайни решила заглянуть в одну из лавок, чтобы купить необходимые ей мелочи. Она заблудилась, и, пока металась в поисках места остановки, экипаж уехал, а вместе с ним исчез и весь багаж, среди вещей в котором лежали и все сбережения. А та мелочь, что была в сумочке девушки, оказалась потраченной в местной лавке. Оставшихся монет не хватило не то что на другой экипаж, но даже на еду.

Возвращаться домой к ненавистному жениху и жестоко-сердным родителям Дайни не захотела и решила добраться до возлюбленного, даже если небо начнет рушиться на землю. И она пошла.

– Это было ужасно! – воскликнула я. – Господин Вельмхест, мне пришлось ночевать в лесу! А моих пару монет хватило лишь на булочку и кружку молока. На следующий день я вовсе не ела...

В общем, бедняжка была в пути три дня. Измученная и голодная, она подошла к замку Ленсти. Ворота были приоткрыты, и она вошла, надеясь, что сможет выпросить хотя бы черствую корку хлеба.

– Я позвала, но мне никто не ответил, однако уйти уже не было сил.

А когда слышала шаги, испугалась и спряталась. Дайни вдруг подумала, что ее отведут в полицию, раз она вошла без дозволения. Мимо прошли несколько человек, за ними старик. Он закрыл ворота и вернулся в замок. Девушка оказалась в ловушке, в которую сама себя загнала. Но она так устала! Бесконечная дорога, голод, а сейчас она оказалась под крышей...

– А еще я подумала о кухне, что смогу поесть, и не нашла в себе сил сознаться сторожу, что он в замке уже не один.

А что один, услышала из слов старика, когда он возвращался, то разговаривал сам с собой. И как только он удалился, Дайни на цыпочках прокралась наверх, где хотела просто

затаиться и выспаться, не опасаясь зверья и разбойников.

– Это уже после, когда проснулась, я решила взять несколько вещей... всего несколько вещей, господин Вельмхест! Мне нужны были деньги, чтобы добраться до Канатора к моему жениху. Мне безумно стыдно, что я это сделала...

– Вы были с саквояжем, – заметил управляющий.

– Да, – не стала я отпираться. – Я нашла гардероб, когда обходила комнаты, там и взяла несколько платьев на смену и саквояж...

– И писчие принадлежности.

– Их тоже, – со вздохом ответила я, опустив голову. – Мне нужно было написать родителям, попросить у них прощения и рассказать, почему и куда я сбежала. Когда я уходила из дома, то никакой записки не оставила, опасаясь, что меня могут перехватить.

Дальше я уже не стала врать и честно рассказала, как меня обнаружил доблестный страж и что он, как человек добросердечный, но ответственный, выпроводил меня из замка рано утром.

– Он принял меня за кого-то другого, обругал, что один из работников привел и оставил в замке свою знакомую, – добавила я, изо всех сил стараясь никому не навредить, но заступиться за сторожа.

– Чье имя он назвал?

– Признаться, я не запомнила, – солгала я. – Сторож назвал его только раз, а потом употреблял только «он»...

– Значит, мужчина, – удовлетворенно кивнул Вельмхест. – Можете, не пытаться скрывать, госпожа Таньер. Старик Огас рассказал об Эйресе и его сестрице. Я побеседовал и с одним, и со вторым. Что до той особы, то не мне разбираться с чужими сердечными слабостями. Однако я понимаю, отчего вы пожелали скрыть имя – вам близка их история.

– Теперь вы услышали всё, что хотели? – спросила Элиен. – Хочу предупредить вас сразу, господин Вельмхест, Дайни Таньер я вам не отдам. Эта женщина попросила защиты Богини и получила ее.

Управляющий чуть поднял брови, то ли обозначая удивление, то ли просто реагируя на слова моей покровительницы. После встал на ноги и одернул сюртук.

– Да, я услышал всё, сестра, – сказал он. – Объяснениями удовлетворен, они совпадают с рассказом Огаса. Имущество вернулось в замок, кража была предотвращена бдительными горожанами.

– Не наказывайте старика, прошу вас, – уже искренне попросила я. – Он служит на совесть.

– Я знаю, – ответил управляющий. – К тому же замок недолюбливают, и оставаться там в одиночестве желающих мало. Что до вас, госпожа Таньер, – мне достался пристальный взгляд. – Вам я могу посоветовать лишь одно – возвращайтесь домой и сделайте, как велят родители. Как жил ваш жених эти годы, вы не знаете, как не знаете, что найдете или

кого найдете вместе с ним. Возможно, ваш второй жених будет милосерден и простит вас.

– Благодарю, – сухо ответила я.

– Впрочем, дело ваше, я вам не брат и не отец. Это лишь мое мнение. Позвольте откланяться.

– Прощайте, господин Вельмхест, – с прохладной вежливостью произнесла старшая дочь Левит, и наш гость покинул обитель.

И едва за ним закрылась дверь, я упала на стул и шумно выдохнула. Элиен, негромко рассмеявшись, одарила меня аплодисментами.

– Вы и вправду невероятны, – сказала она. – История вышла отменной. Я и представить не могла, как вы собираетесь выкрутиться. Но итог вышел, как вы и хотели. Более меня беспокоить не будут. Вельмхест дотошен, и раз уж он удовлетворился, значит, вы сказали всё, что он желал услышать. А раз так, то и полиция больше не станет заманивать меня к себе. От души благодарю, ваше сиятельство.

– А я вас, – улыбнулась я. – За комплимент. А теперь еще раз обсудим мое путешествие в деталях.

– Извольте, – кивнула старшая дочь, и мы перешли к более важной для меня беседе.

Глава 4

Столица Камерата встретила меня так, будто я никуда не исчезала, – суетностью и шумом большого города. Дорожный экипаж высадил нас с сестрой Хагнис на Большой Каретной площади, куда приезжало большинство таких экипажей. На Малой Каретной площади находился старый рынок, но это уже просто к слову. Потому вернемся на Большую Каретную площадь.

Что я ощутила, ступив на старые плиты, которыми была выложена площадь? Трепет. Да, именно трепет. Как бы там ни было, но с этим городом была связана большая часть моей жизни. Все мечты и грезы, успехи и неудачи, взлеты и падения происходили здесь. Я столько раз ездила по этим улицам, столько людей узнала, что сказать, будто бы возвращение в столицу вовсе не тронуло меня, было бы ложью.

Прижав ладонь к груди, я медленно выдохнула, а после втянула носом воздух. Даже запах я узнала бы из тысяч иных запахов, хоть в нем и не было ничего примечательного. Сестра Хагнис деловито кашлянула, привлекая мое внимание. Я обернулась к ней, но сосредоточиться сразу не смогла, еще пребывая в путах того чувства, что родилось, едва я увидела в окошко экипажа приближающийся город.

- Сестра Дайни, – произнесла дочь Левит, – вам дурно?
- Нет, мне хорошо, – улыбнулась я и пожала ее запястье. –

Благодарю. Просто... Это волнение, я давно не была в столице.

Хагнис улыбнулась. После взяла меня за локоть, понуждая сдвинуться с места, и мы направились прочь. Теперь нам нужны были городские экипажи, один из которых отвезет мою попутчицу в столичную обитель Левит, а второй – меня к особняку графа Доло. И от этой мысли волнение мое возросло до небес.

– Может, сначала со мной в обитель? – спросила Хагнис. – Там отдохнете – и отправитесь по своим делам.

– Благодарю, но лучше уж сразу.

– В нашем облачении?

– Так даже лучше, – ответила я.

– Смотрите сами, сестра Дайни, – пожала плечами женщина. – Признаться, мне попросту жаль с вами расставаться.

– И мне было приятно наше соседство, Хагнис, – искренне ответила я.

Мы тепло обнялись, а затем сестра пожелала:

– Пусть Матушка будет к вам и далее милостива.

– И вам ее благоволения, – улыбнулась я, и на этом мы расстались.

Моя попутчица и вправду оказалась приятной женщиной. Она была немногим старше меня, общительна, но ненужных вопросов не задавала и не пыталась выведать, куда и зачем я еду. Да и вообще, кто же я такая, тоже не любопытствовала, довольствуясь тем, что знали все в обители в Ленсти. Сестра

Хагнис с удовольствием рассказывала о своих племянниках, а я с таким же удовольствием слушала. Тем для бесед вообще оказалось немало, и дорога промчалась относительно быстро и весьма легко.

Потому если вы ожидаете от меня рассказ о каких-то приключениях в пути, то их не было. Дочерей Левит почитали и не ссорились с ними, чтобы не навлечь гнев Богини. И если существовал лучший способ спрятаться, то мне достался именно он. Никто в лицо пристально не вглядывался, не пытался навязать свое общество, напротив, старались выполнить наши редкие и скромные просьбы.

А раз говорить не о чем, то вновь вернемся в столицу и наконец отправимся к его сиятельству графу Сейросу Доло – моему дорогому дядюшке и главе нашего рода. Карету я взяла сразу же, их тут стояло немало. Возница, выслушав адрес, важно кивнул:

– Мигом домчу, сестрица.

– Можете особо не спешить, – ответила я, устраиваясь в коляске. – Хочу полюбоваться столицей, давно тут не была.

– Если не дольше лет ста, то изменений не заметите, – весело ответил возница, и коляска тронулась.

Изменений и вправду не было, да и сложно было бы что-то поменять всего за три года. Я не имею в виду новый особняк или очередной модный магазинчик, а нечто такое, что переменяло бы сам лик города. Он был прежним, и я любовалась хорошо знакомыми видами. Лишь когда мы проезжа-

ли улицами, по которым можно было добраться до дворца, я перестала глядеть по сторонам, а напротив, склонила голову, и края покрыва скрыли мое лицо. Впрочем, на перекрестке я все-таки исподволь скосила глаза, чтобы увидеть краешек дворцовой ограды, приметной вдали.

А вот когда коляска свернула к особняку его сиятельства, сердечко мое затрепетало. Я даже не сразу опомнилась, и вознице пришлось возмутиться, когда я спустилась на мостовую:

– Сестрица, а деньги?

Обернувшись, я виновато улыбнулась и протянула ему несколько монет, приготовленных для оплаты.

– Держите, любезный, – сказала я и добавила: – Пусть Богиня не оставит вас своей милостью.

– Премного благодарен, – улыбнулся мужчина.

Он причмокнул, и его лошадка зацокала копытами, увозя хозяина прочь от богатых особняков. А вот я никуда не спешила. Вновь прижав ладонь к груди, некоторое время справлялась с волнением. Наконец шепнула:

– Хэлл, не оставь, – и направилась к воротам.

Привратник вышел почти сразу и меня не узнал, Впрочем, как и я его. Похоже, это был новый работник. Мужчина поклонился и спросил, так до конца и не разогнувшись:

– Чего изволите, сестрица?

– Ваш хозяин дома? – спросила я и замерла, опасаясь услышать, что его нет не только дома, но и в городе.

– Его сиятельство отправился в контору еще часа два назад, – ответил привратник.

Я испытала и радость, и досаду одновременно. Сейчас, когда от встречи нас отделяла лишь ограда, час свидания вновь откладывался. Но дядюшка был в городе, а это главное. Однако же теперь мне стоило решить, что делать дальше. Привратник ждал, я размышляла. Контор у нас и три года назад было несколько, в какую из них отправился его сиятельство, узнать было можно, но идти туда рискованно и, возможно, впустую. Граф мог уже оказаться совсем в ином месте. Стоять под воротами и ждать тоже смысла не было. Дочь Левит здесь, несомненно, привлекла бы внимание. Значит, стоило войти внутрь.

– А ее сиятельство? – спросила я.

– Госпожа графиня дома, – кивнул привратник.

– Тогда оповестите хозяйку, что к ней посетитель, – попросила я.

– Проходите, сестрица, – поклонился мужчина и отошел с пути. – Как вас представить?

– Сестра Дайни, – ответила я.

Вскоре мне было предложено войти в дом, что я и сделала, вновь ощущая трепет и волнение. Я ступала по каменным ступеням, застеленным ковровой дорожкой, смягчавшей стук каблучков ботинок, полученных мною в обители. Ладонь скользила по позолоченным перилам, и всё происходящее казалось мне нереальным. Будто бы я всё еще нахо-

жусь в Белом мире и дом дядюшки снится мне в тот момент, когда на животе покоится теплая ладонь моего супруга. Будто бы это воспоминание, а вовсе не происходящая действительность, в которой нет ни мира Белого Духа, ни Танияра.

А потом мне подумалось, а вдруг на самом деле это Танияр мне приснился и я никуда не исчезала. Что если я по-прежнему невеста Ивера Стренхетта и скоро моя счастливая жизнь закончится, едва я пересеку порог храма? И неприятный озноб сжал мои плечи. Даже просто представить такое было страшно. Нет-нет, мой возлюбленный существует, и духи другого мира отправили меня в мой родной дом для того, чтобы я могла рассказать близким мне людям, что печалиться им не о чем, что я жива и вполне счастлива в своем новом существовании. А государь Камерата пусть живет со своей третьей супругой, возьмет на руки долгожданное дитя и непременно будет счастлив, вовсе не вспоминая обо мне.

За этими мыслями я отвлеклась и несколько утеряла волнение от предстоящей встречи. Впрочем, с тетушкой я могла бы и вовсе не видеться. Мы с ней никогда не были ни дружны, ни близки. Она укоряла меня за связь с королем и за мою деятельность, хоть она и стала спасительной соломинкой для всего рода. Однако графиня имела закоснелые взгляды, потому мою работу порицала даже больше, чем сожитительство с монархом. Хотя и это она крайне не одобряла. Я и сама не желала этих отношений, но иначе я не получила бы тех знаний, которые теперь нужны мне в моем новом доме, да и

вовсе не попала бы туда.

Впрочем, как бы прежде мы ни общались с ее сиятельством, однако нам придется некоторое время соседствовать бок о бок, пока я не увижусь с родителями и не вернусь в Белый мир. Признаться, у меня были некоторые опасения в отношении графини Доло, но после размышлений я их откинула. Она не допустит огласки моего возвращения и будет в этом даже более рьяна, чем все те, с кем мне доведется встретиться.

И причина тому – женитьба короля. Если тетушка была настроена против наших с государем отношений, когда он был свободен, то теперь уж и вовсе почтет их за личное оскорбление. А когда узнает, что и я уже несвободна, то и подавно будет ревностно охранять честь рода Доло от всяческих сплетен и пересудов. А они непременно последуют. Завистников у меня было множество. И думается мне, что мое исчезновение сделало счастливыми немало людей, особенно среди высокородной знати. Если меня обнаружат и Ив решит вернуть во дворец вновь обретенную фаворитку, то все эти счастливицы подавятся собственным ядом. Нет уж, пусть живут и здравствуют в своем неведении, как и сам государь Камерата.

А потом лакей, который сопровождал меня склонившись, повел рукой в приглашающем жесте, и я шагнула в раскрытую дверь. Впрочем, она тут же за моей спиной закрылась, и я оказалась лицом к лицу с ее сиятельством – старшей гра-

финей Доло.

– Доброго дня, сестра Дайни, – приветствовала меня тетушка. – Что за дело привело вас ко мне?

– Добрый день, ваше сиятельство, – произнесла я с улыбкой.

И вновь признаюсь, я вдруг испытала радость от нашей встречи. Смотрела на тетушку, и мою душу наполнило тепло. Мой взор скользил по лучикам морщинок вокруг глаз, в которых застыло скрытое любопытство, по знакомым чертам, по строгому платью, украшенному тончайшим кружевом, и на губах продолжала играть улыбка.

– Как же вы хороши, тетушка, – произнесла я. – Цвет лица отменный, и это радует.

– Что, простите? – переспросила графиня.

Я не ответила, и ее сиятельство взяла лорнет в позолоченной оправе. Она с минуту рассматривала меня сквозь линзы, вдруг охнула и прижала ладонь к груди. Я, так и не перестав улыбаться, глядела, как графиня упала в кресло, рядом с которым стояла, а после направилась к ней.

– Здравствуйте, дорогая тетушка, – присев рядом с креслом, сказала я и взяла ее за руку.

Графиня сжала мою ладонь, затем накрыла второй и ошупала, продолжая вглядываться в меня.

– Шанни? – изумленно спросила она, и я кивнула. – Боги... – Потрясение графини длилось еще некоторое время, и тетушка то прикрывала губы пальцами, то вновь ошупывала

мою руку. Неожиданно обхватила мое лицо ладонями и воскликнула: – Дитя мое! Как же... Куда... Это и вправду вы, – а после вновь схватилась за грудь.

– Тетушка, вам дурно? – встревожилась я. – Скажите, что подать, и я сейчас же сделаю это.

Ее сиятельство замахала руками.

– Нет-нет, я сейчас приду в себя, – пролепетала она. – Просто всё это так... Боги, Шанни, это и вправду вы... Вы!

– Тс-с, – я приложила палец к губам. – Не стоит привлекать внимание слуг, тетушка. Мне бы не хотелось, чтобы кто-то, кроме близких мне людей, узнал о моем возвращении. Тем более я надеюсь, что вскоре смогу вернуться туда, где провела эти три года.

– Да-да, – всё еще растерянно покивала графиня. – Но... – она вскинула голову и оглядела меня в очередной раз. – Вы – дочь Левит? Почему же не давали знать о себе столько времени? Вы себе не представляете, что мы все пережили! А ваш дядюшка, мой бедный супруг, вы даже не понимаете, что он перенес! Даже потеря родных сыновей не стала бы для него большим ударом, – последнее прозвучало с толикой ревности и обиды, и теперь тетушка стала на себя похожей. – Неужели вы не могли...

– Не могла, – мягко прервала я ее. – Я была очень далеко. К тому же меня лишили памяти, и вспомнить себя я смогла меньше месяца назад.

– Как же... – в новом потрясении спросила графиня. Ед-

ва поднявшись с кресла, она вновь в него упала и устремила на меня взгляд.

Я улыбнулась, впрочем, не спеша ответить. Отойдя к соседнему креслу, я опустилась в него и попросила:

– Ваше сиятельство, не могли бы вы призвать дядюшку домой? Не стоит оглашать причину, но попросить приехать не откладывая. Прошу вас.

– Его сиятельство обещался быть не позже трех часов после полудня, – пробормотала графиня машинально.

Я бросила взгляд на напольные часы – было без четверти два. Ждать оставалось еще более часа, а мне так хотелось увидеться с дядюшкой, что подумалось – надо настоять, однако я удержала себя в руках. Всего лишь час.

– Хорошо, я дождусь его назначенного возвращения, – кивнула я.

– Что значит «назначенного»?! – возмутилась тетушка. – Сейчас же отправлю за ним человека. Пусть немедля идет сюда! Ох, его сиятельство будет вне себя от ошеломления и радости... надо бы подготовить капли.

Последнее она говорила, направляясь к двери. Я уже встала, чтобы напомнить просьбу о неразглашении моей личности. Не знаю, как вообще такое возможно в доме, где меня видели тысячу раз, но всё же хотела напомнить. Однако графиня в напоминаниях не нуждалась.

– Отправьте за его сиятельством кого-нибудь, – услышала я. – Скажите ему, что у дочери Левит до него важное дело.

Пусть не медлит. Слышите? Скажите, немедленно!

Ее сиятельство вернулась ко мне и устроилась в прежнем кресле. Выдохнув, она сложила ладони и устремила на меня взгляд.

– Рассказывайте, – потребовала она. – Где вы были? Что с вами случилось? И почему вы стали дочерью Левит?

– Мы все дочери нашей Богини, – улыбнулась я. – И раз дядюшка вскоре появится, то позвольте уж мне открыть вам всё, что со мной произошло, когда мы будем в полном сборе. Лучше расскажите мне о моих родителях, об Амбер и ее семействе. Я совершенно не имею сведений ни о ком из них.

– И все-таки дочь Левит, – вздохнула ее сиятельство. – Почему же вы оказались в обители? Или же сестры нашли вас, пока вы пребывали в беспамятстве?

Я негромко рассмеялась и, потянувшись, сжала тетушкину ладонь между своих.

– Я не принадлежу ордену дочерей Левит, – сказала я. – Более того, я нахожусь в счастливом замужестве. – Графиня охнула, а я вновь рассмеялась. – Да-да, ваше сиятельство, я вышла замуж за чудеснейшего мужчину. Он прекрасен внешне и внутренне. Достойный и благородный человек, которого я люблю всей душой и любима им не меньше. Но расскажите же мне о моих родителях, молю вас. Обо мне мы еще успеем поговорить.

– Ну, хорошо, – не стала спорить ее сиятельство, и я обратилась в слух. – Ваши родители в добром здравии. Они жи-

вут в вашем графстве и продолжают наше общее дело. Элиен, бедняжка, она была не в себе, когда узнала о вашем исчезновении. Впрочем, я многого вам не расскажу. Все мы были тогда потрясены. Но, конечно же, ваши родители и ваш дядюшка печалились более остальных. С Сейросом даже случился сердечный припадок. Он так не переживал, даже когда наш старший сын в детстве упал в ледяную воду и слег с лихорадкой. Я одна ночей не спала, а после вашего исчезновения ему стало дурно. Пришлось звать магистра Элькоса, но и тот был мрачнее тучи...

Ее сиятельство рассказывала много, но толком ничего, то и дело сбиваясь на жалобы на супруга, что о своих детях он печалится меньше, чем обо мне. Я обижаться на тетушку не стала, прекрасно понимая ее чувства. Наверное, и я бы ревновала, если бы Танияр предпочел нашим детям племянниц или же их детей. Однако переживания графини меня интересовали все-таки меньше, чем то, что происходило в мое отсутствие. Впрочем, главное я вынесла. Родители мои были в добром здравии, как и семейство Амбер, да как и вся наша родня. Несчастий за три года, хвала богам, не случилось. И основным потрясением для всех стало мое исчезновение. Единственное дурное событие за три года. Неурядиц, должно быть, хватало, но не таких, от которых кто-нибудь снова слег. Все остальные подробности мне даст дядюшка. Оставалось только дожждаться его возвращения.

– Но постойте! – вдруг воскликнула тетушка. – Вы гово-

рите, что замужем, но были без памяти. Не этот ли человек лишил вас памяти и похитил, чтобы жениться? А иначе как бы вас вырвали из рук короля?

И я поняла, что ее сиятельство ничего не знает. Магистр Элькос не мог промолчать, с дядюшкой он был дружен, а потому не должен был скрыть истинную причину моего исчезновения. Однако граф Доло не стал делиться с супругой своими знаниями, а значит, они являлись государственной тайной. Еще бы, стал бы Ив откровенничать со своими подданными и объявлять, что собственными руками столкнул любимую народом мою светлость в портал.

От сестры Элиен я знала, что о моем исчезновении ходили разные толки. Официальная версия – похищение, но люди шептали разное: от бегства из-под венца до моего смертоубийства. Кто-то даже допускал, что убил меня сам король, а дальше версии вновь множились, всё зависело от отношения ко мне конкретного сплетника и легковерия его слушателей. И только свидетели и приближенные государя должны были знать правду. Ну, еще мой дядюшка и, скорее всего, мои родители. С ними глава рода вполне мог поделиться, по крайней мере с моим отцом.

Впрочем, всё это сейчас было неважно, и, выслушав подозрения тетушки, я всплеснула руками:

– Ну что вы, ваше сиятельство, мой супруг не причастен ни к моему исчезновению, ни к беспамятству. Мы встретились позже того, как со мной приключилось это несчастье.

– Но кто же тогда сотворил с вами это?

– Люди герцогини Аританской, – ответила я, тоже не став вдаваться в подробности. – Она долгие годы таила против меня злой умысел, и, как видите, он увенчался успехом. Впрочем, недолгим. Я слышала о судьбе королевской тетки и, признаться, не сочувствую ей ни единой минуты.

Графиня поднялась с кресла. Она переплела пальцы и прошла по гостиной, но вскоре обернулась и произнесла:

– Сейрос тоже не отзывался о ее светлости добрым словом. И когда пришло известие о ее казни, остался совершенно равнодушен. Однако она не играла в его жизни особой роли, вам же была покровительницей. Это благодаря герцогине вы оказались во дворце и сумели сойтись с королем...

– Вы ошибаетесь, – подняв руку, прервала я родственницу. – Верно лишь одно – эта женщина взяла меня к себе, чтобы уложить в постель короля. – Ее сиятельство прикрыла кончиками пальцев рот, я лишь улыбнулась. – И тем не менее это так. После, узнав, что укладываться в его кровать я не желаю, избавилась от меня и подсунула ему более покладистую протезе. А после того как государь вернул меня ко Двору, заманив должностью помощника его секретаря, ее светлость пыталась убить меня. После этого была изгнана в Аритан и строила козни уже оттуда, следствием которых стало два новых покушения. Нет, ваше сиятельство, я не сочувствую этой женщине.

– Ох, – графиня прижала ладонь к груди. – Я не думала...

не знала. Мой супруг мало чем делится со мной. И пока не появились вы, я воспринимала это как должное, но после... Мне было обидно, что вас, девицу из подчиненной ветви, его сиятельство держит за равную, а свою супругу почитает за глупую женщину...

– Остановитесь, дорогая тетушка, – вновь прервала я ее. – Вы неверно понимаете вашего супруга, в то время как он относится к вам с теплотой и уважением и сообразно вашему восприятию мироустройства. Вспомните, как вы негодовали по поводу того, что я веду непозволительный женщине образ жизни. Мои суждения, споры с мужчинами на политические темы, мои занятия. Вы порицали всё это...

– Конечно порицала! – воскликнула графиня. – Женщина должна быть женщиной и не влезать в дела мужчин.

– Вот вы сами и ответили на свои вопросы, – улыбнулась я. – Дядюшка всего лишь уважает ваши взгляды и не сваливает вам на плечи свои мужские заботы. Я же имею иное мировоззрение и иные устремления. Вот и весь секрет. И, как видите, он вовсе не в недоверии.

Ее сиятельство подошла обратно к креслу, уселась и, сложив руки на коленях, спросила:

– А ваш супруг? Он не бранит вас за ваши вольности?

– Он почитает меня за равную, – ответила я.

– Он знатен?

– Весьма знатен, – важно кивнула я.

– И каково имя его рода? – деловито полюбопытствовала

тетушка. Теперь она была в своей стихии, геральдику дама была обязана знать.

– Среди родов Камерата вы его не сыщете, – заверила я, но более сказать ничего не успела.

За дверью послышались шаги. Дверь открылась, и в гостиную вошел его сиятельство. Охнув, я порывисто поднялась с места, однако сказать так ничего и не смогла. Сердце мое забилось быстро-быстро, и от волнения я растеряла всякую способность говорить.

– Доброго дня, сестра, – произнес граф. – Меня оповестили, что у вас до меня срочное дело и мне следует немедленно прибыть. Я здесь и готов вас выслушать.

Гулко сглотнув, я облизала губы и шагнула к главе моего рода. Я с жадностью вглядывалась в знакомое лицо и даже не могла поверить, что моего дорогого дядюшку мог свалить сердечный приступ. Его сиятельство выглядел таким же крепким, каким я его помнила. Цвет лица имел здоровый, был по-прежнему статен и энергичен, что ясно читалось в его глазах. Мой милый, мой мудрый дядюшка...

– Ох, – всхлипнула я и бросилась ему на шею.

– Сестра... – начал его сиятельство и вдруг осекся. Я ощутила, как напряглись под моими руками его мышцы, как дыхание вдруг стало частым и сердце ускорило свой бег. – Не может быть, – чуть хриловато произнес граф.

– Дядюшка, это я, – продолжая всхлипывать, произнесла я и подняла на него взгляд.

Граф сжал мою голову ладонями, с минуту пристально вглядывался, и лицо его вдруг исказилось.

– Не может быть, – потрясенно повторил его сиятельство. – Моя дорогая девочка, это и вправду вы? Шанни? Шанни! – воскликнул он спустя мгновение и... схватился за сердце.

– Дядюшка!

– Сейрос!

Графиня бросилась к мужу, тяжело навалившемуся мне на плечо. Она подхватила супруга под вторую руку, и мы довели его до кресла.

– Я же говорила, – причитала тетушка, – я же предупреждала. Он становится сам не свой, когда дело касается вас. О боги, что же делать... что же делать...

– Вы хотели приготовить капли, – напомнила я. – И недурно было бы послать за доктором, если нет возможности пригласить сейчас магистра Элькоса.

– Да-да, вы правы, – растерянно пробормотала ее сиятельство, но уже через мгновение стряхнула оторопь и поспешила к дверям: – Эй, кто там...

Дальше я не слушала. Опустившись перед креслом на колени, я взяла руку его сиятельства и прижала ладонью к своей щеке. Граф не сводил с меня взгляда.

– Это и вправду ты, – сипло произнес он. – Наша маленькая Шанни...

Голос его прервался, и я вскочила на ноги, сама не зная,

чем могу помочь, но сидеть и просто смотреть было выше моих сил. Однако дядюшка удержал меня и слабо улыбнулся:

– Останься.

И я вновь опустилась перед ним на колени.

– Ты живая, – сказал граф, и кончики его пальцев скользнули по моему лицу.

Я вновь прижалась щекой к его ладони, закрыла глаза и ответила:

– Живая.

По моим щекам текли слезы, в которых смешивались радость и тревога за дядюшку. Стерев их быстрым движением, я все-таки улыбнулась и посмотрела на него:

– Мне так много надо вам рассказать, ваше сиятельство, а вы вдруг хватаетесь за сердце. Что же это вы?

– Я ни за что не умру, пока не выслушаю всего, что вы желаете мне поведать, – заверил меня граф.

– Уж сделайте милость не умирать и после, – попросила я. – Иначе рассказывать мне придется очень долго, а у меня не так много времени.

– Вот как? – насмешливо приподнял брови его сиятельство. Однако вновь покривился, и я подалась к нему. – Пустое, – чуть задохнувшись, отмахнулся дядюшка. – Пройдет.

– Пройдет, – фыркнула за моей спиной ее сиятельство, как раз успевшая вернуться. – Экой вы легкомысленный, мой дорогой.

Я обернулась и увидела, что она капает снадобье из

небольшого флакончика в ложку. Не желая мешать, я хотела отодвинуться, но дядюшка удержал, и его супруге пришлось обойти меня. Впрочем, сейчас она на это не обратила внимания, графиню больше заботил ее супруг, и помех она не замечала. Граф послушно выпил лекарство, прикрыл глаза и некоторое время сидел так. А потом на щеки его вернулся румянец, и мы с тетушкой с облегчением выдохнули.

– За Элькосом я послала, – уведомила графиня. Затем опустила на меня взгляд и усмехнулась: – Хвала богам, магистр более крепок телом. Он легче вынесет ваше свидание.

– Король сейчас должен держать магистра подле себя, раз Ее Величество на сносях, – заметила я.

Супруги Доло одновременно посмотрели на меня, и я ответила удивлением во взгляде, потому что в их глазах тоже читалось изумление.

– Что не так? – уточнила я.

– Элькос более не служит при Дворе, – ответил дядюшка. – Он передал тайну защиты королевского рода своему преемнику и покинул дворец еще два года назад. Он сейчас у себя, потому вскоре явится. Однако... – Граф подался вперед и взял меня за обе руки. – Дитя мое, где же вы пропадали три года и отчего не давали о себе знать?

Ответить я не успела, потому что тетушка встрепенулась:

– Дорогой, вы представляете, наша Шанриз вышла замуж!

– Замуж? – Его сиятельство устремил на меня заинтересованный взгляд, однако быстро сменил его направление и

посмотрел на супругу. – Дорогая, прикажите подавать обед, я голоден. Думаю, и Шанриз тоже. Заодно прикажите приготовить ей покой. Вы ведь остановитесь у нас? – уточнил у меня дядюшка.

– Более негде, – улыбнулась я.

Графиня Доло протяжно вздохнула и направилась к двери, но остановилась, не дойдя, и обернулась.

– Ваше сиятельство, – обратилась она ко мне, – прошу вас ничего не рассказывать без меня. Я тоже желаю вас послушать... несмотря на мои взгляды, – закончила она чуть язвительно и поспешила исполнить указание мужа.

А мы остались. Теперь я тоже пересела в кресло и умиротворенно вздохнула:

– Как я, оказывается, успела по вас соскучиться, дядюшка.

– Успела? – изумился граф. – За три-то года грех не успеть.

Усмехнувшись, я отрицательно покачала головой:

– И года не прошло, дядюшка.

– Что вы такое говорите, Шанни? – еще более изумился его сиятельство. – Три с лишним года миновали с того ужасного дня, когда сюда явился Элькос и объявил, что мы потеряли вас. И возможно, навсегда.

– Для вас, дядюшка, – уточнила я. – Для меня же не прошло и года. Там, где я оказалась, мне всё еще двадцать пять. И за этот год я прожила невероятное множество событий и приключений. Но этого я не стану рассказывать при тетуш-

ке, однако от вас у меня секретов нет. И первое – это то место, куда меня переместил портал.

– Что же это за место, дитя? – подался ко мне граф.

– Белый мир, дядюшка, – ответила я и отвела взор, мысленно возвращаясь в зеленые леса Айдыгера.

– Белый мир?

– Мир Белого Духа, дядюшка, – кивнула я. – И это чудеснейшее место во всей Вселенной...

Глава 5

Вечер приблизился так незаметно, что о его начале я узнала лишь по свечам, которые внесла надменная графиня Доло. Ни на кого не глядя, она поставила канделябр на край стола в кабинете супруга, после развернулась и удалилась, гордо вздернув подбородок. Дядюшка проводил жену чуть насмешливым взглядом. Он скрыл улыбку, и я последовала его примеру.

Ее сиятельство изволила обижаться на нас и обижалась уже третий час. С того самого момента, когда граф, поцеловав ей руку, сказал:

– Мы оставим вас, дорогая. Мне надо дать отчет ее сиятельству по нашим делам. За три года накопилось немало новостей. Пусть нам не мешают.

– Как вам угодно, Сейрос, – ответила графиня, после поджала губы и ушла, шурша юбками.

Дело происходило возле дверей кабинета, куда мы подошли втроем после столовой. Тетушка намеревалась не отходить от нас, но ее вежливо спровадили. Разумеется, она обиделась, потому что за столом я рассказала вкратце, как меня столкнули в портал и я оказалась на другом конце света среди незнакомых мне людей. Почти правда, но только почти. Ашит в моем изложении превратилась в знахарку, а Танияр в местного князя. Ни о войне таганов, ни об илгизитах,

ни о тайнах Белого мира я рассказывать при ней не стала. Дядюшка одобрительно кивал, но явно ждал, когда мы окажемся наедине и я расскажу много больше. Да и по нашему предприятию мне тоже хотелось поговорить и узнать новости, все-все новости, какие случились с нашими общими знакомыми в мое отсутствие.

За столом мы мало говорили о ком-то, кроме меня, мне лишь удалось узнать, что у Амбер нового прибавления в семействе не было и что Элдер продолжает писать картины, но больше для собственного удовольствия.

– Где-то через год после вашего исчезновения его сиятельство написал очаровательную картину, – говорил дядюшка. – На ней он изобразил двух юных девушек. Они, держась за руки, бредут по цветущему лугу. Он удивительно точно изобразил вас с Амберли. Я имею в виду не портретное сходство, в этом графу Гендрику нет равных, но душевную близость и характеры. Амбер трогательно склонила голову вам на плечо, а вы глядите на зрителя и улыбаетесь. От всего вашего образа лучится свет, который не видишь, но прекрасно чувствуешь. Ваша же кузина тиха и мечтательна, от нее веет покоем и умиротворением. Восхитительное полотно. Я пытался купить, но Элдер отказал. Эту картину он писал для супруги, потому даже сделать копию воспротивился.

А еще его сиятельство коротко рассказал о Фьере Гарде. Он по-прежнему был на хорошем счету у своего начальства, служил в прокуратуре и вел тихую жизнь семейного челове-

ка.

– Мы порой встречаемся с ним. Его милость стал менее живым. Более деловитый и мало напоминает того барона Гарда, с которым вы дурачились в Лакасе. Впрочем, о вас отзывается с неизменной теплотой и затаенной горечью. Вы были ему дороги, дитя. Как-то Фьер назвал вас сестрой, и именно так его милость вас и воспринимает. Если вы по-прежнему доверяете ему, думаю, барон будет счастлив не только получить известие, что вы живы, но и увидеться с вами.

Да, я хотела увидеться со всеми, о ком мы говорили, но более всего желала поскорее очутиться в Тибаде и прижать к груди моих дорогих родителей, глубину переживаний которых до конца осознала лишь в тот момент, когда его сиятельство схватился за сердце. И если уж он, знавший меня близко всего несколько лет, так глубоко был потрясен моим исчезновением, что здоровье его пошатнулось, то о матушке и говорить не стоит. Для нее я была от самого рождения ее солнечным лучиком. Баронесса Тенерис любила Амберли, но дышала мной. Я всегда оставалась ее обожаемым дитя. И батюшка, он ведь тоже во мне души не чаял, хоть и держался так, как предписывали правила. Как же им было тяжело услышать горестное известие...

Признаться, в ту же минуту, как пришло осознание, пробудился и стыд. Я столько времени гнала мысли о своих родных, опасаясь боли, пока их не помнила. А они в это время

страдали... И даже вернувшись, меня больше печалила разлука с супругом и новым миром, даже хотелось просто написать письмо родителям, чтобы сказать, что жива, и поскорее вернуться назад. Но и в голову не пришло, как важно им не прочесть, а увидеть и обнять. А теперь поняла и устыдилась.

Однако все эти чувства моего желания вернуться к Тани-яру не поколебали. Даже не вздумайте такое заподозрить. Я желала вернуться в Белый мир, в мой новый дом, но прежде отдав дань родному миру и дорогим мне людям. Потому я здесь. Белый Дух внял и открыл мне врата назад. Но я вернусь, непременно вернусь!

Однако сейчас мы вернемся не в Айдыгер, а в кабинет его сиятельства, откуда только что вышла надутая тетушка. Проводив ее взглядами, мы переглянулись и все-таки хмыкнули. Ее сиятельство была забавной в своей обиде. Впрочем, смешок не был насмешкой, лишь доброй иронией, и мы вернулись к прерванной беседе.

– Поразительно, Шанни, всё, что вы рассказываете, просто поразительно. Меня не покидает чувство, что вы рассказываете мне выдуманную историю, сказку, хоть и понимаю, что выдумывать вы не станете. И что же было дальше? Когда вы очнулись после похищения?

Я как раз дошла до своего второго похищения, когда вошла тетушка и прервала нас. Улыбнувшись, я уже хотела рассказать, как мне явился Создатель Белого мира, но из-за две-

рей вдруг послышался шум и чей-то спор. А потом дверь все-таки распахнулась, и в кабинет ворвался взъерошенный человек.

– Где она? И не смейте мне говорить, что ее здесь нет! Я же почувствовал, я уловил! Где? Где она?!

– Добрый вечер, господин Элькос, – улыбнулась я, глядя на мага, явно бывшего не в себе.

Когда тетушка послала за магистром после дядюшкиного приступа, того не оказалось дома. Сказали, что и вовсе собирался покинуть столицу на день-два. Его сиятельство оправился после капель, и больше приступов не было. Поэтому я решила просто дожидаться, когда маг вернется, и после встретиться с ним. И вот он явился сам. Шальной, взволнованный и совершенно не в разуме.

Элькос сорвался с места. Он стремительно приблизился, схватил меня за плечи и ощупал руки до кистей. После развернул к себе спиной, снова повернул лицом и опять сжал плечи. Затем потрянул и вдруг простонал:

– Она...

– Магистр, – осторожно позвала я, уже не зная, как реагировать на всё это представление.

Элькос отмахнулся и уселся на стул, с которого я только что поднялась. Он устало провел по лицу ладонью и шумно выдохнул, лишь после этого вновь поднялся на ноги и прижал меня к себе.

– Где же вы были, Шанриз, где вы были? – спросил маг. –

Я ведь сумел отследить точку выхода портала, я прошел в том направлении столько раз. Я искал вас, исчерпал почти все свои скопленные запасы магии, но не нашел. Никто не нашел. Ни королевский сыск, ни сыск Бегренса, когда государь затребовал у них помощи. Мы перерыли всё, всё княжество! Но вы будто в воду канули...

– Бегренс? – переспросила я. – Но с чего вы взяли, что портал вел на их земли? Я была вовсе не там.

Элькос отстранился, и я заметила, как влажно блеснули его глаза в свете свечи.

– Дорогая, оставьте нас, – послышался голос дядюшки. – Не беспокойтесь, этого буяна мы легко обуздаем. Более пусть нам никто не мешает.

– Как скажете, ваше сиятельство, – ледяным тоном ответила графиня, и дверь снова закрылась.

Теперь я сама обняла мага и поцеловала его в щеку. Элькос прерывисто вздохнул, на миг сильнее стиснул объятия и отстранился, памятуя о приличиях. Он галантно подвинул мне стул и устроился на свободном.

– Говорите же, девочка моя, говорите, – потребовал он, но тут же и остановил: – Впрочем, еще минуту. Дайте еще немного времени посмотреть на вас. До сих пор в себя прийти не могу. Вы бы знали, что со мной было, что со всеми нами было, когда портал закрылся и вы исчезли. Сколько бессонных ночей, сколько терзаний, что не спровадил вас из дворца еще вначале и что не сумел защитить. Не почувствовал

мага, не понял, что он рядом. Не отыскал... – Магистр опять провел по лицу рукой, выдохнул и велел уже более привычным тоном: – Рассказывайте.

Коротко вздохнув, я уже хотела вернуться к началу своего повествования, теперь не собираясь вдаваться в подробности, если, конечно, их не потребуют, но вместо этого спросила иное:

– Господин Элькос, как вы отследили точку выхода?

– По кристаллу, разумеется, – ответил маг. – Он сохранил заданный вектор.

– Но... – я посмотрела на него, – кристалл улетел в портал.

– Девочка моя, вы совершенно несведущи в магических воздействиях, – улыбнулся магистр. – Для открытия портала требуется больше одного накопителя. Когда-то не требовалось ни одного, но славные времена могущественных магов давно миновали, и для перехода даже двух кристаллов может оказаться мало. Мне хватило двух, тому негодяю, что выкрал вас, потребовалось три. Для перехода из Аритана тоже, но один из носителей почти исчерпал себя. И когда вы, повинувшись толчку короля, полетели в портал и зацепили кристалл, переход закрылся. Последний кристалл был не в силах удерживать «врата» открытыми.

– Потому вы и требовали у короля убрать кристалл, – с пониманием кивнула я.

Элькос, вздохнув, кивнул, и лицо его стало мрачным.

– Если бы я знал, чем всё закончится, то занялся бы порта-

лом, а не магом, его сотворившим. Однако вскоре я выстроил свой переход по следу, оставленному на кристаллах...

– И он привел вас в Бегренс, – улыбнулась я. – А я тем временем переместилась в другой мир. – Элькос округлил глаза и отрицательно покачал головой, но я в ответ кивнула: – Да-да, мой дорогой друг, я оказалась в мире, совершенно отличном от нашего по устройству, развитию и существам, его населяющим. Впрочем, там есть люди, и эти люди разумны в высшей степени. Однако нет ничего, что походило бы на наши флору и фауну. Его создатель Белый Дух принял меня и покровительствовал весь этот... год. И вновь да, господин Элькос. Для меня прошло не больше года, но здесь минуло три. И я не понимаю сей метаморфозы. Если причина моего появления в Белом мире мне известна, то такая разница во времени совершенно неясна.

Маг некоторое время смотрел на меня, а после велел уже без вздохов и придыхания:

– Рассказывайте.

У меня еще оставалось немало вопросов, рожденных всего несколькими репликами магистра, однако я их отложила, потому что Элькос сам искал ответ на то, о чем я только что спросила. Дядюшка, откинувшись на спинку кресла, постукивал кончиками пальцев по столу. Он всё это уже слышал и даже в более подробном изложении. И когда я дошла до момента, на котором нас прервали, его сиятельство позы не изменил, но слушал уже более внимательно. Хотя и до этого

не сказать, что был рассеян.

Впрочем, понимая, что может быть особенно интересно магу, я старалась события поминать вкратце, но о чудесах рассказывала с большими деталями. И когда я говорила о пещере Белого Духа, об обрядах названной матери, о ритуале призыва души Вазама, а особо о свойствах своего кольца, Элькос слушал меня, чуть прищурившись. Это не было знаком недоверия, но так магистр усваивал информацию о незнакомой ему силе.

Я уже давно покинула стул и расхаживала по кабинету, окончательно перестав сокращать свое повествование. Просто заново переживала всё, что произошло со мной за это время. И свое посещение последнего савалара Создателя я вспомнила так ярко, будто только что смотрела в глаза Шамхара и слушала в оцепенении, как он обращается ко мне сквозь столетия.

А потом мы бежали с Архамом из Дааса, и я весело рассмеялась, вспомнив моих лохматых друзей и почитателей полного отсутствия у меня слуха. После, затаив дыхание, приближалась к стенам Курменная и разговаривала в ночи с халимом Фендаром. Ехала на маленьком йенахе через территории таганов и сердилась на деверя за то, что он пытался отнять у меня вожделенную расшифровку. Но вскоре замолчала и зажмурилась, спеша по следам супруга в темноту леса. И мечтательно улыбалась, ощущая его объятия.

Боги! Не прошло и года, а я прожила невероятную кра-

сочную жизнь среди чужого мне народа, который стал столь же родным, как и те люди, что сидели сейчас в кабинете графа Доло. И всё это вновь показалось мне сном, грезой, навеянной чудной ночью. И вновь я зябко поежилась, не желая даже на миг поверить в то, что ничего этого со мной на самом деле не происходило.

Впрочем, на пальце моем был надет перстень с «Дыханием Белого Духа», в моей сумке лежала книга Шамхара, а воспоминания были столь яркие, что не могли быть сном ни в коей мере, и я опять улыбнулась. А когда закончила свой рассказ, за окном царила уже глубокая ночь, но о сне не вспомнили ни я, ни дядюшка, ни магистр Элькос.

Последний уже какое-то время назад отошел к окну, уселся на подоконник и слушал, глядя в черноту безлунной ночи. И когда в кабинете наступила тишина, которую нарушало лишь тиканье часов, маг глубоко вздохнул и негромко произнес:

– Невероятно. Всё это невероятно до крайней степени, но так... волнительно.

– Да, – отозвался его сиятельство. – Если бы мне рассказал подобную историю кто-то другой, а не Шанни, я бы счел того человека за безумца или гения, но с восхитительным воображением.

Улыбнувшись, я уже хотела достать книгу как подтверждение моих слов, однако Элькос остановил меня словами:

– Какая непостижимая мощь...

Мы с дядюшкой одновременно повернули головы к магистру, но он сейчас, кажется, говорил сам с собой:

– Я ощущаю себя посрамленным в том, в чем не видел себе соперников. Однако это было здесь, но не там. Там я был бы попросту слабосильным подмастерьем, который только что и может, так это тратить крохи своих сил на иллюзии. Ах, если бы я смог оказаться в Белом мире хотя бы на час, на четверть часа, на пару минут, чтобы почувствовать то бесконечное могущество, каким наделены дети Белого Духа.

– Господин Элькос, – позвала я. Он повернул голову в мою сторону, но взгляд так и остался рассеянным. Маг всё еще находился в тех высях, куда непосвященному дороги не сыскать. – Дар моей названной матери имеет иную природу, как и сила илгизитов. Мне так думается...

– Потому что она не делала ничего из того, что делал я? – Взор Элькоса наконец прояснился, и он полностью развернулся к нам с графом лицом. – Думаю, вы в чем-то правы и не правы одновременно. Скорее, шаманы и илгизиты используют иные приемы в обращении с магией, оттого вы не увидели сходства в методике обуздания потоков Силы. К тому же они не творят на потребу, как мы, маги. Не растрачивают себя впустую на иллюзии, на защитные амулеты, на прочие глупости, вроде бы полезные, но без которых можно обойтись. – Он улыбнулся. – Мне понравилась мораль Белого Духа, которой придерживается и ваша названная матушка: дети сами должны найти решение проблемы. И это так верно, так вер-

но... – Магистр вдруг порывисто поднялся на ноги, и в его глазах появился лихорадочный блеск. Элькос явно горячился. – Ведь чем я занимался все прошедшие годы? Берег короля, которому ничего не угрожало. Ничего! Он круглые сутки окружен своими гвардейцами, лучшими воинами Камерата. Тайная служба работает как отлично отлаженный механизм. Да и среди подданных недовольных им нет. Вы дали низам надежду, король благоволит знати и армии. Наше государство благоденствует, и я тут был совершенно лишним. Все эти охранные заклинания, амулеты – пустая трата драгоценных сил!

– Вы выполняли и иные задачи, – заметила я.

– С которыми мог бы справиться и простой сыск! – воскликнул Элькос.

– Если бы магией в нашем мире обладали только вы, мой дорогой друг, то ваши слова были бы справедливы, – заговорил дядюшка. – Но магов хватает, и, чтобы воздействовать на неодаренного, хватит и половины ваших возможностей. И вот от этого короля и уберегали все ваши плетения и амулеты. Так что не возводите на себя напраслину. Покой камератцев был в ваших руках не менее, чем в руках короля, гвардейцев или армии.

– Верно, – согласно кивнула я и улыбнулась. – Вас просто поразили возможности шаманов. Махир тоже силен, но он привязан к Даасу, в этом я уверена. Если покинет его, то всё его могущество станет лишь тенью. Так же обстоит дело и

с его подручными. Рахон мог повлиять на мой разум, но заставить руины сложиться в почти целое здание вдали от своего источника он уже вряд ли бы смог. Что до моей матери, то я слышала, что она сильнейшая из шаманов. Ее призвал сам Белый Дух.

– И ее возможности потрясают, – с искренним восхищением ответил магистр. – Я бы отдал остаток жизни, лишь бы увидеть ее во время работы. Это невероятно!

Рассмеявшись, я приблизилась к магу и взяла его за руки.

– Дорогой вы мой, если вы сумеете помочь мне вернуться, то дорога в Белый мир станет вам известна. И хоть кристалл остался в пещере, но кольцо ведь может хранить на себе какие-нибудь сведения? В любом случае оно из того мира...

Я остановилась, потому что маг удрученно вздохнул и отрицательно покачал головой. И от этого нехитрого действия в моей душе вдруг возникло холодящее предчувствие крушения надежд, потому что энтузиазм магистра угас так стремительно, что невозможно было не понять его причину. Он не мог мне помочь – это я поняла со всей отчетливостью, даже еще не услышав отказа.

– Почему? – глухо спросила я. – Кольцо не может стать указателем?

– Попросту не хватит сил, – ответил Элькос. Пожав мне руки, он отстранился и вернулся на стул, а я порывисто обернулась ему вслед. Мне хотелось спорить, кричать, топтать ногами и требовать, в конце концов! Но это не принесло бы

пользы, и потому я просто сверлила магистра пристальным взглядом, ожидая, что он еще скажет. – Не обижайтесь на меня, Шанни, я готов помочь, едва вы только намекнете, вам это известно. Вы мне как дочь, и тосковал я по вас, как по дочери. Потому истратил почти все свои накопители на ваши поиски. Простите меня, дорогая...

Не в силах больше слушать, я отошла к окну и устремила в темноту слепой взгляд. Оглушенная, я пыталась собрать мысли воедино. Хотела успокоить себя, уговорить, что еще ничего не потеряно, что выход найдется и я смогу вернуться назад...

– Боги, – судорожно вздохнув, прошептала я, и ночь перед моим взором расплылась.

Уговоры не помогали, и я всё глубже погружалась в черную пучину отчаяния. Я пыталась справиться с собой, изо всех сил старалась удержаться на самой кромке пропасти, но не вышло. Потрясение было столь велико, что ноги мои подкосились, и я тяжело опустилась на пол. Закрыв лицо руками, я спросила:

– Отец, за что?.. – даже не осознав, что перешла на язык Белого мира.

И в то же мгновение на плечи мне легли теплые ладони. Кто-то прижал меня к своей груди, и я поняла, что это магистр, потому что услышала:

– Ну что же вы, Шанни? Что вы, душа моя? Я не понимаю, что вы сейчас сказали, но горечь и тоску расслышал точно.

К чему вы так убиваетесь? Вам нельзя, дорогая, в вашем-то положении. Разве же можно в тягости на пол падать, слезы лить? Успокойтесь, вы же сама Шанриз Тенерис-Доло и жена Белого короля...

Я гулко сглотнула и обернулась к магу. Смысл его слов вдруг дошел до меня, но дядюшка опередил с вопросом:

– Что вы сказали, дорогой друг? В тягости? Шанни, вы беременны?

– Я беременна? – переспросила я, в ошеломлении глядя на Элькоса.

– А вы не знали? – удивился он в ответ. – Шанриз, вашему дитя плюс-минус пара месяцев. Я все-таки не целитель, но вашу ауру я знаю, как собственное отражение. Неужто за это время вы сами не увидели в себе перемен? Как женщина, вы же знаете о всяческих процессах, о которых, уж простите, я в обществе говорить не стану. И все-таки...

– Я решила, что перемещение могло повлиять... – растерянно пробормотала я. – Стало быть, в тягости...

И, уткнувшись магистру в грудь, разрыдалась с новой силой. Теперь моя пропасть отчаяния и вовсе превратилась в бездну. Я единственная супруга дайна Айдыгера, и даже по признанию меня погибшей, если бы такая процедура существовала, он не сможет жениться. А я есть! Живая, здоровая, но в ином мире. И в этот иной мир я унесла и прошлое Белого мира, и его будущее. А вернуть назад это достояние не имею ни единой возможности, потому что самый могуще-

ственный маг Камерата не в силах открыть мне дорогу. Это всё было ужасно... Ужасно!

– Ну-ну, девочка моя, – ворковал Элькос, глядя меня по волосам. – Нельзя, нельзя вам так убиваться. Подумайте о вашем ребенке...

– Так я о нем и думаю! – истерично воскликнула я.

– Шанни, – мягко позвал дядюшка. – Дорогая моя, вы рвете мне сердце, а оно у меня и без того ослабло в последние три года. Пожалейте вашего дядюшку.

– И вправду, Ваше Величество, что же это вы?

– Величество, – плаксиво фыркнула я. – Где теперь мое величие?

– Оно при вас, – в голосе мага послышалась укоризна. – А вот сами вы на полу в кабинете его сиятельства. Давайте для начала встанем и переберемся в более подходящее Белой королеве место, хотя бы на стул. Там мы с вами успокоимся и подумаем, что мы можем сделать.

– А есть иной путь? – с надеждой спросила я.

– Для начала стоит подумать, а поплакать мы с вами всегда успеем, согласны?

– Д-да, – судорожно вздохнув, ответила я и шмыгнула носом, начав успокаиваться. И уже усевшись на стул, я все-таки спросила: – Почему «Белая королева»?

Магистр, как раз взявший у дядюшки стакан с водой, посмотрел на меня и... залпом осушил половину. Хмыкнув, он протянул стакан его сиятельству, и тот снова долил воды из

графина. Теперь посылка добралась до адресата. Благодарно кивнув, я сделала глоток, а маг ответил:

– Да как же, душа моя? Вы супруга короля Белого мира, Белого короля, а вы, стало быть, Белая королева.

– Дайнани, – невесело усмехнувшись, ответила я.

– Одно другому не мешает, – легкомысленно отмахнулся Элькос и вернулся на свой стул. Он некоторое время смотрел, как я пью воду небольшими глотками, после потянулся и потрепал по плечу. – Мы будем искать путь, Шанни, клянусь вам. Моей силы может хватить на портал, который выведет в соседний город. С накопителем я могу переместиться в другую страну. Но для большого перехода не хватит всех моих запасов, а мне бы хотелось иметь еще и на возможность вернуться, если бы вдруг портал вел не туда, куда надо. Стало быть, наша задача – раздобыть необходимое количество магии, но где... – И вдруг сменил тему: – Надо же, наша малышка наконец-то станет матерью. Я так рад, что дожил до этого известия. То-то моя сигнальная нить так странно отозвалась. Я даже не сразу понял, что сработало! А всё дело в том, что ваша энергетическая суть изменилась. Точнее, к ней примешалась иная.

Отставив стакан, я приняла от дядюшки его платок, ослепительно белоснежный с инициалами «С. Д.». После перевела взгляд на мага и любопытствовала:

– Что это за нить, магистр? Я ведь неодаренная. Одно дело, когда вы ставили сеть на мага, а другое – я.

Элькос легко рассмеялся и, наклонившись, похлопал меня по тыльной стороне ладони.

– Узнаю нашу Шанриз. Что бы ни лежало на душе, но каждую крошку в свою корзиночку сложит. Я рад, что вы не переменились.

– За год сложно перемениться, – отмахнулась я. – К тому же мне не пятнадцать, а двадцать пять. Мой нрав и привычки успели оформиться. Так что же вы ответите?

Магистр с улыбкой развел руками.

– Всё просто, Шанни. Да, вы обычный человек, но обладаете, как и все, энергетическим следом. Человеческая аура – не что иное, как... эм... энергетическая тень, если можно так сказать. Так вот, дорогая, когда вы приносили мне заполненный накопитель, то от вас как от носителя оставался и след. Как отпечаток пальца на бокале, чтобы вам было понятно. И когда вы исчезли, я собрал эти «отпечатки», сплел подобие нити и натянул ее там, где вы могли появиться. Она должна была среагировать на соприкосновение с родственной энергией.

– То есть никто иной возвращение Шанриз почувствовать не мог? – уточнил граф.

– Никто, – улыбнулся Элькос. – И я никому о своих нитях не говорил, совсем никому.

– Добрая весть, – кивнул его сиятельство.

В кабинете ненадолго воцарилось молчание. Каждый из нас думал о своем, но, наверное, мы все думали об одном и

том же – о Белом мире. Впрочем, мне не дано видеть, что творится в головах других людей, пока они молчат, потому могу и ошибиться. В любом случае я думала о моем новом доме и пыталась снова не впасть в отчаяние. Признаться, обещания мага не казались мне особо убедительными.

Что он мог придумать, если сил не хватало? Если только насобирать чужих накопителей. Подобное можно было приобрести в магических лавках, правда, в их накопителях давали каплю, а нам нужен был океан. И вряд ли бы мы смогли скупить столько накопителей или попросту найти их во всех лавках Камерата.

Однако оставались маги, также собиравшие выплески, как и наш магистр. Быть может, удастся договориться с ними, и тогда у нас будет необходимое могущество, чтобы открыть проход между мирами. Впрочем, я готова была даже украсть, если придется пойти на этот шаг. Хм... А это весьма недурной выход. Взять можно больше, чем купить...

В задумчивости я устремила взор на Элькоса. Он как раз достал брегет и посмотрел на время, а я вспомнила о своем вопросе, на который так и не получила ответа.

– Господин Элькос, – позвала я. – Так что же вы думаете о разнице во времени? Его течение в двух мирах различно? У меня не было возможности отсчитывать часы, только дни...

– Я могу лишь предполагать, душа моя, – остановив меня жестом, ответил маг. – Однако я склоняюсь к тому, что произошло пространственное искажение времени во время

перехода.

– Что вы имеете в виду, мой друг? – подавшись вперед, спросил дядюшка.

Магистр улыбнулся. Он подтянул к себе папку, в которой лежали чистые листы бумаги, после взял карандаш и поставил две точки.

– Это Аритан, – указав на первую, пояснил Элькос, затем ткнул во вторую: – Это Бегренс, а это, – теперь он соединил точки линией, – переход. По всем законам логики, физики и естественного поведения материи Шанриз должна была, войдя в эту точку, выйти из этой. Но... – Магистр нарисовал к первой линии вторую, отходящую перпендикулярно. После поставил в конце жирную точку и подписал: «Белый мир». – Произошел излом на некоем участке перехода, и наша путешественница вышла не просто в другом месте, но в другом мире. То есть искривилось пространство, а вместе с ним и время. Думаю, если бы был выстроен прямой портал, то подобного казуса бы не случилось, и, войдя здесь, – магистр ткнул пальцем в точку «Аритан», потом соединил ее с точкой «Белый мир», – вышла бы здесь, не потеряв не только ни дня, но и даже часа. Впрочем, – отложил он карандаш, – это гипотеза, но она основана на моих знаниях. Шанни вырвали из сформированного портала и переместили в иное место без вектора и координат.

И я улыбнулась, широко и радостно, потому что знала, кто перенес меня навстречу к Танияру.

– Не иначе Великий Странник умчал свою любимицу в лучший мир и к лучшей жизни, – глядя на меня, улыбнулся и дядюшка. – Жаль лишь, что этот мир и жизнь оказались не рядом с нами. Мне не хватает вас, Шанни. Ваших выдумок, вопросов и решительности. Однако оспаривать Высшую волю не посмею.

– Нет, друг мой, – откликнулся Элькос. – Будем справедливы, в этом мире Шанриз дошла до той черты, за которой уже ничего не было. Корона королевы могла бы стать высшей наградой и подспорьем, но не в нашем мире и не с нашим королем. Путь здесь завел Шанни в тупик...

– Но открыл дверь в новую жизнь, – сказала я, – предначертанную мне так давно, что вряд ли мы сейчас узнаем имя того предка, который жил в день моей встречи с аданом Шамхаром. Невероятно даже помыслить такое, однако всё это произошло, и вот тому доказательство.

И я, сунув руку в дорожную сумку, которую забрала с собой в кабинет, вытащила книгу. С благоговением уложила ее на стол и, любовно огладив обложку, подвинула ее к мужчинам. Дядюшка и магистр одновременно протянули к ней руки, даже встретились пальцами и дружно усмехнулись. После этого граф руку убрал, однако пристально наблюдал за тем, как Элькос открывает книгу...

И разумеется, никто из них не понял написанного, но рассматривали с явным любопытством.

– Это и есть те самые... как вы говорили, ирэ? – спросил

Элькос. – Удивительно, как можно понять этот набор символов?

– Они говорят так же о наших буквах, – рассмеялась я. – Называют «красивый орнамент». Только мой супруг овладел... Ох, боги, – вдруг охнула я. Маг и граф оторвали взгляды от книги и посмотрели на меня. – Подумать только, прошло так мало времени, а он говорит и пишет на нашем языке, а я всё ещё продолжаю осваивать ирэ.

– Не представляю, как это вообще можно освоить, – усмехнулся дядюшка, и я воскликнула:

– Что вы, ваше сиятельство, на самом деле, всё не так сложно, как кажется! Основных ирэ не так много, и они подразделяются на добрые и злые... – Граф в удивлении приподнял брови, и я снова рассмеялась. – Так объясняла мне Ашит. Более понятно учил халим Фендар. Танияр передал мне его науку. Всего лишь отрицательное и положительное значение. То есть местоположение положительного или отрицательного ирэ в комбинации определяет смысл. Однако сложность есть, она кроется как раз в комбинациях. Составить их можно великое множество, и этим мастерством отлично владели во времена Шамхара, но не в настоящем. Люди многое забыли. И все-таки, зная основные символы, можно расшифровать написанное. Ключ к разгадке подсказал уважаемый халим, а разобрал первые комбинации Танияр. Чтобы мне было проще, я переписываю прочитанное буквами. Работы еще много...

И я помрачнела. На расшифровку у меня была вся жизнь, но только где она пройдет? Смогу ли я вернуть Белому миру его память или же окажусь бессовестной воровкой, укравшей ее? Кажется, поняв перемену в моем настроении, магистр потянулся и взял меня за руку.

– Ну вот вы и вновь печальны, Шанни, – сказал он, пожав мне пальцы. – Не волнуйтесь, девочка моя, я буду искать ключ от двери в Белый мир. А вы за это время встретитесь со всеми, с кем желали, а потом мы попытаемся отыскать дорогу к вашему супругу. Ай... Айдыгер, верно? Айдыгер не должен лишиться своей мудрой королевы. Мы этого не допустим, клянусь вам, Ваше Величество.

Я смутилась и отмахнулась.

– Полноте. Как-то непривычно мне это обращение, хоть и верно по сути. В Белом мире пока подобных возвеличиваний нет. Говорят друг другу «ты», и правитель близок своему народу настолько, что свой вопрос они могут задать, лишь зайдя его на улице. И, признаться, мне эта простота по душе. Однако и у меня хватает вопросов, – сменила я тему. – Раз уж мы не спешим расходиться, то мне хотелось бы узнать, что произошло после моего исчезновения.

Ответить мне никто не успел, потому что город сотрясла канонада. Били из пушек, да так это было громко, что звенели в окнах стекла. А потом ночь расцвела разноцветьем фейерверка.

– Хвала богам, – произнес магистр. – Свершилось.

Дядюшка кивнул, а я сказала:

– Поздравляю вас, господа.

У государя Камерата наконец-то появился долгожданный наследник.

Глава 6

Элькос вытянул ноги, заложил руки за голову и блаженно потянулся. Ночь за окном всё еще продолжала сиять огнями салюта, люди выходили на улицы, и город заполнялся радостными восклицаниями. Похоже, ждать тишины еще было долго. Впрочем, мы по-прежнему не спешили расходиться.

Его сиятельство ненадолго вышел из кабинета, а вернулся с бутылкой вина и тремя фужерами.

– Хоть и ночь, но повод выпить у нас есть, – улыбнулся дядюшка.

– А под доброе вино и рассказы идут особенно хорошо, – с намеком улыбнулась я. – И слушаются тоже. Я готова внимать. Господин Элькос, вы были непосредственным участником этой истории, потому лучше других сможете удовлетворить мое любопытство. Прошу вас.

– Не смею вам отказать, дорогая, – в ответ улыбнулся маг.

– Но прежде выпьем за здоровье наследника, – вставил дядюшка и подал нам фужеры, уже наполненные вином.

– И чтобы его отец наконец обрел душевное успокоение, – добавил магистр. – За Камерат.

– За Камерат, – поддержали мы с графом.

Сделав глоток, я отставила фужер и посмотрела на мага. Тот пребывал в задумчивости, кажется решая, с чего начать. Он покрутил фужер за ножку, после сделал еще глоток и по-

смотрел на меня. Я решила ему помочь:

– С чего всё началось для вас, господин Элькос?

– С приказа короля, – ответил маг и пояснил на мое удивление: – После вашего последнего разговора, когда с вами случилась истерика. Он тогда наговорил вам много гадостей. Сказал, что собирается закрыть вас до свадьбы во дворце и что приставит к вам женщин, которые будут по его указанию следить, с кем вам говорить и что делать.

Я согласно кивнула. Тот разговор я помнила, как и всё произошедшее. И пока меня успокаивала Тальма, мне доложили, что пришла Ильма Стиренд и просит принять. Потом она повела меня в свои покои, и это был мой последний путь по королевскому дворцу, потому что оттуда меня переместили в Аритан, а дальше было беспмятство и Белый мир.

– Итак, мне передали приказ короля навестить вас...

Магистр явился в мои покои, однако я уже успела уйти с Ильмой, и Тальма передала, что моя светлость сама придет к нему, когда освободится. Элькос не ушел, прежде он решил узнать от Тальмы о том, что произошло. Моя камеристка скрывать причин приказа монарха не стала и рассказала о нашем громком выяснении отношений и последовавшей моей истерике.

И пока Тальма, всё более возбуждаясь, негодовала, произошло невероятное – во дворце воспользовались магией. И не просто магией! Магистр уловил уже знакомую силу, потревожившую его сигнальную «паутину».

– Проклятие, он здесь! – воскликнул маг, прервав служанку на полуслове.

– Кто? – опешив, переспросила та.

Но Элькос ей не ответил, потому что следом пришло осознание.

– Шанни! – выкрикнул магистр и бросился прочь из покоев, уже не слушая вопросов, которые вслед ему выкрикнула Тальма.

В коридоре маг столкнулся с королем, который как раз подходил к дверям покоев. Монарх едва открыл рот, чтобы задать вопрос, но Элькос опередил его, бросив на ходу:

– На Шанриз напали!

– Что? – нахмурившись, переспросил монарх. – Во дворце?

– Да! – рявкнул маг, полуобернувшись, и помчался туда, откуда шел всплеск силы.

– За мной! – гаркнул государь гвардейцам.

Уже на лестнице навстречу им спешила баронесса Стиренд. Девушка была бледна, но по щекам ее катились слезы, и рот кривился от рыданий. Она кинулась к королю, но тот, даже не посмотрев, оттолкнул баронессу с пути. Удержал Ильму один из гвардейцев, и маг остановился, вдруг вспомнив, что Тальма говорила ему о нашей встрече с ее милостью.

– Где она?! – воскликнул в запале магистр.

– Там! – истерично выкрикнула Ильма. – Это Лайсс!

Лайсс Утткер опять влез мне в голову! Я пыталась сопротивляться, я пыталась... – голос девушки сорвался, и она вновь зарыдала.

– Взять, – коротко приказал король.

Тот же гвардеец, что удержал баронессу от падения, сжал ее локоть, но Ильма, кажется, этого даже не заметила. Она попыталась снова броситься к королю:

– Спасите ее светлость, государь, спасите!

– Пусть ведет, – сдерживая раздражение и нетерпение, сказал Элькос. – Я могу не сразу попасть в нужную дверь. Выплеск постепенно рассеивается.

– Веди, – мотнул головой Ив.

И Ильма побежала впереди мужчин, спеша вернуться к своим покоям. А пока они спешили по угасающему следу, ее милость продолжала рассказывать, то сбиваясь на причитания, то надрывно всхлипывая.

– Здесь, – наконец остановившись, указала на свою дверь девушка.

Магистр первым ворвался в уже опустевшие покои. Лишь краем сознания он уловил, как король бросил на ходу испуганной баронессе:

– Если с ней что-то случилось, удавлю.

Но в эту минуту магистру было не до королевских угроз, кому бы они ни предназначались. Он стремительно приблизился к тому месту, где закрылся портал, и, опустившись на корточки, прижал ладони к полу.

– Проклятие, – выругался маг, а после снова помчался к двери.

– Элькос! – крикнул ему вслед государь.

– Ее увели через портал, – ответил маг. – Сейчас вернусь.

У входа в покои он ухватил за локоть истошно плакавшую баронессу и дернул за собой.

– Скройтесь пока, – велел магистр. – Скройтесь, иначе он отыграется на вас.

– К-куда? – сквозь всхлипы спросила Ильма.

– Хоть на кухне, – бросил ей магистр и больше не задерживался.

Элькос не верил в вину баронессы Стиренд. Имя исчезнувшего менталиста многое объясняло, потому что именно Ильма была его жертвой долгое время. Впрочем, разобраться с ее участием всё равно стоило, но не сейчас, когда была дорога каждая минута. А еще магистр знал короля и понимал, что тот в своей слепой ярости может сотворить непоправимое, потому и велел баронессе скрыться на время, зная, что после найдет ее, даже если девушка попытается сбежать.

Однако в эту минуту маг менее всего был склонен отвлекаться на сторонние размышления и выводы. Он мчался в свои покои за всем, что считал сейчас необходимым. Забыв о возрасте, он бежал по лестнице, перепрыгивая через ступеньку. И с той же стремительностью спешил обратно, не желая утратить тонкую нить, грозившую оборваться в любое мгновение.

– Элькос! – рывкнул король, едва маг вернулся в покои баронессы Стиренд.

– Проклятие, – прорычал магистр, сдвинув монарха с дороги. И бросил: – Не мешать!

После вновь упал на колени на том месте, где открывался переход. Он очертил мелом контуры недавнего портала и начал выводить поисковые символы, следуя за ощущением тающего следа. А потом получившаяся пентаграмма засветилась, обозначив указатель перемещения, и маг достал два накопителя.

– Она там, – сказал Элькос, распрямившись перед открывшимся порталом.

– Все за мной, – приказал король и направился к переходу.

Однако вошел в него первым все-таки маг, следом вышли два гвардейца, в руках которых были сжаты пистолеты, а за ними и все остальные, кто находился в покоях баронессы. Только в эту минуту Элькос понял, что воинов стало больше, чем спускалось за ним и монархом в первую минуту. Мои телохранители тоже были здесь. Потом выяснилось, что они прибежали в покои баронессы, услышав о нападении на меня.

– Где мы? – спросил монарх.

– Нам туда, – ответил магистр, теперь ясно видя магический след.

– Где мы?! – уже резче спросил король, и маг ответил с раздражением:

– Не знаю.

Но куда попали, выяснилось быстро, потому что, едва войдя в замок из внутреннего двора, они столкнулись с ночной стражей, следовавшей на смену.

– Тетуш-шка, – в ярости прошипел король. – Кто же еще...

Магистр и два гвардейца стремительно поднимались по черной лестнице, а за ними, цедя ругательства, вышагивал государь Камерата. Впрочем, никто и не думал оказывать сопротивления, потому что один из стражей успел пробежать вперед, выкрикнув на ходу, что идет король. Остальные охранники замка спешили склонить головы перед господином, а после провожали его любопытными взглядами, но сам король вряд ли кого-то сейчас видел.

Первым в покои ворвался гвардеец.

– Именем короля, остановитесь! – выкрикнул он.

И тут же выстрелил второй, едва увидел, как Утткер ведет меня к новому portalу. Магистр сосредоточился на втором маге. Злость клокотала в нем с яростной силой. И если до момента, пока шел по следу, магистр был встревожен и раздражен, то, когда увидел меня, гнев в нем всколыхнулся с невероятной силой. Раздели! Они раздели его дорогую девочку! И что успели сделать, оставалось только догадываться. И наверное, он убил бы мага в ту же минуту, как пелена ярости начала застилать разум, но в это мгновение мимо чеканным шагом прошел король. И его «Тварь!», выплесну-

тое на тетку, подобно обжигающей лаве, заставило Элькоса опомниться.

Прежде надо было понять, что успели сотворить злодеи.

– Это не я! – выкрикнула герцогиня. – Ив, клянусь! Они притащили ее сюда, они хотели моей гибели! Это враги, государь, наши с вами!

– Молись, – ответил монарх. – Час пришел, тетушка. Ты достала меня до печенок.

– Ив!

– Взять! – рывкнул государь, более не желая щадить свою родственницу.

Он направился в мою сторону, и магистр вдруг ощутил острое беспокойство. На моем лице застыл страх. Но это не был испуг женщины, которую застали за неблаговидным делом. Ни даже тревогой за последствия в том, в чем моей вины не было. Настоящий и неподдельный страх человека, который не понимает происходящего.

– Душа моя, это были последние дни твоей свободы, – произнес король. – С меня довольно. Ты меня поняла?

– Кто вы? – подрагивающим голосом спросила я, и магистр уверился, что страх имеет под собой дурно пахнувшую подоплеку.

– Что? – недоверчиво переспросил государь.

И Элькос всё понял.

– Проклятие, – выругался он. – Что вы с ней сделали?! Вы влезли в ее сознание?!

– Да... – прохрипел маг.

– Государь, она вас действительно не узнает, – сказал Элькос, желая остановить короля, пока тот не навредил еще больше. – Они влезли ей в сознание.

– Проклятие! – теперь выругался и монарх.

Он направился ко мне, а я попятилась. Лицо мое мученически кривилось. Было заметно, что страх усилился и слезы готовы вот-вот покатиться по щекам. Но хуже всего этого было то, что отступала я к разверстой пасти портала. Элькос, которому на пути мешали гвардейцы и королевская тетка, хотел уже отпустить мага, но тот сумел достать из кармана форменных штанов новый накопитель. Пришлось усилить воздействие, чтобы не позволить противнику освободиться и сбежать, заодно прихватив и его жертву. И потому, понимая, что ничего иного не остается, магистр закричал:

– Шанни, стойте! Стойте!

Но король продолжал наступать, а я пятиться. Магистр теперь мог только наблюдать и молиться, чтобы монарху хватило мудрости не довести меня до паники и остановить прежде, чем я перешагну грань перехода. И, словно послушавшись мысленного призыва своего мага, государь произнес неожиданно мягко:

– Душа моя...

Но опасная паника уже владела мной, и я воскликнула:

– Кто вы?!

– Совсем ничего не помнишь? – спросил король и вдруг

усмехнулся: – А ведь это даже неплохо. Тетушка, – повысил он голос, – благодарю. Я вас не прощаю, но благодарю. Напоследок вы все-таки сделали доброе дело. Теперь у нас с моей дорогой невестой всё будет так, как я желаю. Восхитительно, – хмыкнул он и позвал с вернувшейся мягкостью: – Любовь моя, всё хорошо. Подойди ко мне, и я расскажу тебе обо всем, о чем ты забыла. Ты вспомнишь, какой ты была покорной, нежной и терпеливой. Иди ко мне.

Элькос ощутил, как злость его вновь разрастается. Он и без того был сердит на монарха после рассказа Тальмы, а теперь замысел сюзерена неприятно кольнул своей подлостью.

– Государь... – попытался вмешаться магистр, но монарх увещеваний и возражений слушать не желал. Для него дело приняло удачный оборот. Непокорная и своенравная лань наконец могла стать долгожданной добычей, в которую волк готовился впитаться клыками.

– Молчать! – рявкнул король.

Но лишь вынудил меня отступить еще на шаг. Портал уже был так близко, что любое новое движение могло стать роковым. И магистр закричал:

– Кристалл, государь, пните кристалл!

Но король не слушал. Охотник шел за своей добычей и вряд ли сейчас думал об опасности портала. Его больше раздражало неповиновение, впрочем, как и всегда. Стренхетты не терпели противления, а Ивер был Стренхеттом до кончиков ногтей.

– Шанни! Стой! – рывкнул он, и магистр заорал:

– Кристалл!!!

А дальше всё было так быстро, что уже никто не успел бы что-то предпринять, потому что король так и не откинул кристалл, он предпочел ловить дичь. Но только довел до крайней степени страха, когда жертва начинает защищаться. И когда я вцепилась зубами в протянутую руку, монарх, грязно выругавшись, оттолкнул меня прямо в портал. Миг... и переход начал стремительно сворачиваться.

– Шанни, нет!!! – закричал государь.

И в гостиной разлилась тягучая тишина, в которой увязли и тяжелое дыхание короля, и хрип мага, вновь подавленного силой Элькоса, и всхлипы герцогини. Люди были оглушены произошедшим. Впрочем, длилось это не больше пары минут, потому что гробовое молчание взорвал звук неожиданный и, казалось бы, неуместный в этот момент...

– Ха-ха-ха...

Женский истеричный хохот прокатился по гостиной. Королевская тетка, только что утиравшая слезы, упершись ладонью в плечо гвардейца, согнулась от сотрясавшего ее смеха. Люди, еще пребывавшие в ошеломлении, устремили на нее взгляды, а герцогиня продолжала заходиться в истерике.

– Сам... – едва внятно донеслось до мужчин. – Он сам ее... ха-ха...

И король отмер. Он стремительно приблизился к тетушке и размахнулся. Но герцогиня, кажется, этого даже не заме-

тила.

– Так берег... берег... ха-ха... толкнул... ха...

Ее смех оборвался на высокой визгливой ноте, остановленный пощечиной племянника. Герцогиню снесло с ног. Она повалилась на пол и, прикрывшись рукой, испуганно взглянула на короля, продолжавшего сверлить ее пустым яростным взглядом.

– Ив...

– Заткнись! – заорал монарх. Он с силой ударил женщину ногой, потом еще раз: – Это ты! Всё ты!

И с каждым новым восклицанием на герцогиню, закричавшую от боли, продолжали сыпаться удары. Первым отмер магистр.

– Государь, мы найдем ее! – выкрикнул Элькос, ухватив монарха за руку. – Я легко узнаю, куда вывел портал!

Король перевел на мага безумный взгляд. Он всё еще горел в своем слепом бешенстве и смысл слов осознал не сразу. Казалось, еще мгновение, и ярость монарха сменит направление.

– Хватит, – коротко велел магистр, сковав короля незримыми магическими путами.

После приложил ладонь к высочайшему челу и сделал то, что делал всегда в такие минуты, – погрузил короля в короткий сон. И когда Его Величество тяжело осел на руки гвардейца, стоявшего рядом, Элькос взял дело в свои руки:

– Государя на диван. Герцогине окажите помощь и глаз с

нее не спускайте. Участь тетки Его Величество решит, когда будет в разуме. Магом займусь я.

– А ее светлость? – подступил к магу капитан Мейтт.

– Что с нашей госпожой? – спросил второй гвардеец в красном мундире Канатора.

– Мы скоро отправимся за ней, – заверил их магистр. – Мне хватает сил еще на несколько новых переходов. Исполняйте.

Герцогиню Аританскую унесли в спальню. Она была в полубессознательном состоянии после того, что сотворил с ней племянник, и на побег была явно неспособна. Впрочем, до момента пробуждения монарха с ней остались двое гвардейцев. Мага тоже вскоре связали, но прежде Элькос вытянул из него остатки сил, собрал все кристаллы, какие еще были при нем, а после передал воинам. А сам присел перед двумя оставшимися кристаллами, чтобы понять, куда вывел портал.

– Отлично, – стараясь более не поддаваться эмоциям, произнес магистр, – след четкий. Разбудим государя и отправимся за нашей будущей королевой. Главное – вернуть, а с тем, что с ней сотворили, я разберусь уже во дворце, когда девочка окажется в безопасности.

Неожиданно ему на плечо легла ладонь. Элькос обернулся и увидел Мейтта. Гвардеец присел на корточки и негромко произнес:

– Если решите дать ей сбежать, я хочу последовать за гос-

пожой. Ей будет нужна защита.

Маг в изумлении округлил глаза, но взор капитана остался серьезным. А когда Элькос поднял голову, то обнаружил, что и остальные телохранители из моей свиты стоят рядом, загородив собой магистра и Мейтта от взоров остальных. И все они глядели на мага с ожиданием, но твердой решимостью в том, о чем толковал их начальник.

– Вы с ума сошли? – одними губами спросил Элькос.

– Он ее уничтожит, а мы ничего не сможем сделать, – ответил за всех Мейтт. – Мы верны государю, но почитаем свою госпожу. Если вы желаете ей добра, то мы готовы принять на себя удар и помочь вам ее спрятать. Лучшего момента не будет. Пусть исчезнет.

– Я даже не представляю, как это сделать, – признался магистр. – Это... хорошая идея, но, опасаясь, невыполнимая.

О чем бы они в конце концов договорились, неизвестно, но в этот момент послышался голос одного из гвардейцев, оставшегося возле дивана, на котором лежал король.

– Государь очнулся, – то ли оглашая, то ли предупреждая, произнес он.

Капитан Мейтт на миг задержал на магистре пристальный взгляд и поднялся на ноги. Распрямился и Элькос. Его слова гвардейца задели за живое, но в это мгновение маг и вправду не представлял, что можно сделать. Переживания моих верных телохранителей оказались созвучны затаенным мыслям магистра, но всё было много сложнее, чем представляли

несколько мужчин, сейчас склонивших головы перед пробудившимся монархом.

Да! Побег из-под венца мог стать благом, потому что уже был четко виден полный замысел короля. И даже если бы я решила быть хитрее и управлять супругом ласковым словом, ничего бы не вышло, потому что правитель Камерата делал только то, что считал нужным. Им нельзя было управлять, и это подтвердил бы каждый, кто знал Его Величество близко. Он позволял некие манипуляция с собой, пока они шли во благо его собственным устремлениям, но не тогда, когда монарх уже принял определенное решение. А он принял и теперь шел к его исполнению точно так же, как к оглашению выбранной им невесты. Ивер Стренхетт не терпел соперников и избавлялся от них нещадно что в любви, что в славе и величии, и Шанриз Тенерис должна была исчезнуть как яркая личность и государственный деятель. А значит, дорогой девочке магистра Элькоса пришел конец...

– Элькос, – король вырвал мага из тяжких размышлений.

– Да, государь, – склонил голову магистр. – Я готов открыть переход.

– Отлично, – кивнул монарх. Он был привычно собран, и от клекотавшей недавно ярости не осталось и следа. – Пора вернуть мою невесту. Открывай.

Элькос посмотрел на связанного мага. Король, проследив направление взгляда, велел:

– Четверо охраняют герцогиню и выродка, остальные с на-

ми.

– Да, государь, – ответили гвардейцы.

Мои телохранители придвинулись к месту, где должен был открыться портал. Королю было безразлично, кто остался охранять арестованных, а кто идет с ним. Элькос мазнул взглядом по Мейтту и приступил к делу. А спустя минуту они уже вышли к небольшой деревушке, раскинувшейся на берегу озера. Луна заливала его поверхность, и к путешественникам сквозь пространство протянулась серебряная дорожка, потерявшаяся в прибрежных камышах.

Оглядевшись, монарх велел:

– Искать, – а после обернулся к магу: – Где мы?

– Сейчас узнаем, – ответил магистр и направился к деревне.

Окна домов были черны. За этой завесой тьмы жили цветные сны людей, заслуживших отдых полным забот днем. Но невесомые грезы уже через минуту были развеяны собачьим лаем. Верные стражи почуяли приближение чужаков.

– Да, раз она попала сюда, значит, могла искать помощи у селян, – сказал король и прибавил шаг.

Элькос посмотрел ему в спину и протяжно вздохнул. Он не был уверен, что я в моем состоянии поспешила бы к людям. Скорее всего, как полагал магистр, пропажа пряталась где-то неподалеку, пытаюсь осознать себя хоть немного. Но нужен был огонь, тратить на освещение драгоценные запасы магии Элькос не хотел. А еще ему нужно было подумать.

Недавние размышления не оставили умную голову мага. И... он надеялся, что гвардейцы отыщут меня, пока король будет в деревне, и уведут подальше.

Возле первого же дома их остановил вопрос, заданный на чужом языке. Они были не в Камерате. Впрочем, и не так далеко от родного государства. А вскоре король и маг с двумя гвардейцами, сопровождавшими монарха, вернулись к остальным с фонарями и начали обходить окрестности.

– Шанни, – звал король, и в этот раз в его голосе не было прежней злости. Он говорил мягко, даже ласково, но отчего-то Элькосу показалось, что так могли бы звать любимую собачку, и это неприятно кольнуло магистра. – Милая, выходи. Шанни, где ты? Выйди, я тебя не обижу. Шанни!

– Государь, – не выдержав, несколько резко окликнул его маг. И когда монарх обернулся, Элькос сказал: – Лучше бы вам ее светлость не звать. Она испугалась вас там, может прятаться и здесь. Давайте поищем молча. Тем более герцогиня не помнит своего имени и вряд ли отзовется.

Король не ответил, но некоторое время осматривал заросли какого-то растения в тишине. Они все искали, разбредаясь всё дальше. Магистр даже в какой-то момент подумал, что и вправду кто-то из гвардейцев успел меня увести, потому что начал заниматься рассвет, а результатов не было.

– Боги знают что! – раздраженно воскликнул король, усевшись прямо на траву. Роса, промочившая его одежду, помехой не стала, да и не был Ивер Стренхетт неженкой. – Куда

она могла деться? Почему мы не ищем в деревне? Почему топчемся по берегу и лесу, когда она, возможно, где-то там?

– Не думаю, что она там, – ответил магистр. – Собаки залаяли сразу, едва мы приблизились, и тот крестьянин вышел раньше, чем мы вошли в деревню. Если бы Шанриз вошла в деревню, то этот мужчина увидел бы ее, а он сказал, что никого не было.

– Быть может, потому, что он и скрыл ее у себя? – сузив глаза, спросил государь.

– Мы были в его доме...

– Но разве обыскивали?!

Чуть помедлив, чтобы задавить ответное раздражение, магистр произнес:

– Ваше Величество, низайше прошу меня простить, но это не Камерат, и устраивать обыск в доме чужого подданного было бы ошибкой. Так нас примут за разбойников и окажутся правы. Мне бы не хотелось, чтобы на моего сюзерена напало мужичье. Нужно действовать иначе...

– Пожри тебя псы Аденфора, Элькос! – рявкнул монарх. – Моя невеста где-то здесь, и я хочу ее вернуть! Не для того я выжидал столько лет, чтобы сейчас всё потерять! Идем, я хочу осмотреть дом, если потребуется и дом за домом, и ты мне в этом поможешь. Если понадобится, то влезешь ему в голову. Ты услышал меня?

– Да, государь, – ровно ответил магистр.

Но обыск так ничего и не дал. Ни в доме крестьянина, ко-

торый дал фонари, ни в одном из десяти других домов. Герцогиня Канаторская и королевская невеста исчезла. Надежда на то, что гвардейцам посчастливилось больше и они сделали то, что задумали, рухнула, едва магистр взглянул в мрачные лица. В какой-то момент им всем даже подумалось, что я утонула в озере, но от такого подозрения дружно отмахнулись, никому верить в подобный исход не хотелось.

В Аритан они вернулись одинаково злыми, измотанными и подавленными. Элькос предлагал государю сразу отправиться в столицу, но тот отмахнулся – в замке дожидались своей участи герцогиня и маг.

– Займитесь моей теткой, – велел мрачный монарх. – Она отправится к владельцу Аритана и должна выглядеть... хотя бы сносно. Я пообщаюсь с магом.

– Думаю, сеть, раскинутая ее светлостью, велика, – заметил Элькос.

– И я скоро всё узнаю, – ответил король. – Я уничтожу их всех, попомните мое слово, магистр. Заговоры – это мое дело, а вы, – он посмотрел на мага и отчеканил: – Верните мне жену! – После выдохнул и велел: – Приступайте.

Монарх уже собрался уйти к магу, и Элькос поспешил предупредить:

– Государь, он должен быть в разуме. Его разумом займусь я.

– Разумеется, – усмехнулся Его Величество, и каждый занялся своим делом.

А спустя некоторое время начался «покос». По обвинению в государственной измене были заточены пожизненно или казнены пять высокопоставленных сановников, командующий королевской гвардией и сошки поменьше. Навсегда утеряли милость несколько высоких родов, были подвергнуты наказаниям фрейлины герцогини Аританской и прислуга. Что до Ильмы Стиренд, то ее у государя отбили Дренг и Элькос, а графиня Энкетт взяла к себе компаньонкой и спустя год выдала замуж за одного из своих кузенов. Ныне ее милость успела разрешиться дочерью и, кажется, была вполне счастлива. Об иных причастных к заговору говорить не стану. Скажу только, что король вычистил ряды знати, среднего и простого сословия нещадно, и никто не думал его осуждать. Вслух так уж точно.

И как бы Ив ни тянул, но молчать долго о моем исчезновении было невозможно. Слухи из дворца и без того уже успели просочиться, а я была не той персоной, чье отсутствие могло остаться незамеченным. Но главное, приближался день свадьбы, а вести в храм было некого. И тогда о происшествии было объявлено, как объявлены и имена врагов Камерата, и народная ярость была направлена на заговорщиков.

Мои родные об исчезновении узнали почти сразу. После третьей попытки найти меня Элькос пришел к дядюшке.

– Куда пропала Шанриз? – спросил его сиятельство, увидев хмурого магистра. – Король запер ее во дворце? И по-

чему вы так мрачны, друг мой? – А после подался вперед и впился в мага пристальным взором: – Что случилось? Он... он что-то сделал с девочкой?

Элькос устало потер лицо и ответил:

– И да, и нет. – А затем объяснил, что хотел этим сказать.

Далее было потрясение и сердечный приступ. Следом слезы Амберли и молчаливая ярость барона Гарда, а еще чуть позже известия докатились и до Тибада. Сам король явился к его сиятельству уже после оглашения печальных событий. Он долго сидел в молчании, постукивая кончиками пальцев по подлокотнику кресла, после порывисто поднялся и объявил:

– Если у вас возникнут вопросы или потребности, можете приходить во дворец, я приму и выслушаю. Дело вашего рода должно продолжаться. Вы под моим покровительством.

И ушел. Более ничего сказано не было. То же самое произошло и в Тибаде, разве только с той разницей, что в поместье приехал Дренг и передал моему отцу послание от государя. А к письму был приложен документ, в котором подтверждалось, что баронам Тенерис из рода Доло перешли права на графство Тибад, как и титул. В письме же государь уведомлял о своей поддержке, помощи и покровительстве.

Удостоился новой милости и мой кузен Томмил Фристен-Доло, он получил повышение и поместье в королевских угодьях. Но был еще кое-кто имевший непосредственное касательство ко мне. О нет! Я говорю вовсе не о человеке. Удо-

стоился королевских милостей не кто иной, как господин Аметист. Теперь его баловали и ласкали лошадиное самолюбие в два раза больше. Еще полтора года назад монарх иногда навещал его, выгуливал и брал в Лакас. Впрочем, это было полтора года назад, когда магистр Элькос еще не покинул короля, потому знал в точности.

Но в год моего исчезновения Двор впервые остался в столице. Тогда были особенно активны мои поиски. Власти Бергенса и агенты Тайной службы Камерата рыли землю княжества и сопредельных территорий. Да и наше королевство прошли вдоль и поперек. Не забыли и Ришем. По приказу короля там следствие вели особенно придирчиво, однако даже эта усиленная работа не дала результатов.

Жизнь во дворце в этот период, особенно в первые полгода, была нелегкой. Месяца три государь был особенно желчен и придирчив ко всем подряд, даже к верному Дренгу. Чуть позже смягчился и стал чаще задумчив и молчалив. Однако придирался по-прежнему к любому, едва видел к этому повод. Но после того как миновали месяцев шесть-семь, повышенная раздражительность Его Величества пошла на убыль, и придворные немного выдохнули, решив, что время исцелило государя.

А ближе к окончанию первого года монарх призвал к себе Атленга и велел подыскать новую невесту. Это было объяснимо. Король Камерата ступал в пятый десяток, и тянуть дольше с рождением законного наследника было уже невоз-

можно. Да и веры в то, что исчезнувшая невеста найдется, становилось меньше с каждым днем. Атленг выслушал пожелания монарха и приступил к поискам.

Спустя полтора месяца он предъявил королю портрет принцессы Атавера – юной Бранды, которой едва исполнилось семнадцать. Элькос как раз заглянул к королю, когда явился Атленг, и монарх поманил его.

– Кто это? – спросил маг.

– Ваша будущая королева и моя супруга, – ответил монарх, а затем развернулся к министру: – Отправляйте посольство. Подходит.

Атленг ушел, но магистр не обернулся, чтобы раскланяться с ним, Элькос продолжал рассматривать портрет юной принцессы, чья судьба отныне была связана с мужчиной, сильно превышавшим ее в возрасте, но разве такие мелочи могли волновать? Мага волновало иное.

– Стало быть, вы отказываетесь от Шанриз? – спросил он.

– А вы можете указать, где она? – почти с издевкой спросил монарх.

– Нет, не могу, – вынужденно признал магистр.

– И потому я отправлю посольство с предложением к ней, – король кивнул на портрет и отошел к рабочему столу. Они находились в кабинете государя.

Элькос промолчал. Он продолжал рассматривать ту, что должна была занять чужое место... или же, напротив, свое. Да, свое. Это было место принцессы Атаверской, но не ба-

ронессы Тенерис-Доло, оказавшейся на вершине власти стараниями ее несостоявшегося жениха.

– Что скажешь о моей новой невесте? – как-то устало спросил монарх, перейдя на вольную форму обращения.

– Я скажу, что она чем-то похожа на Шанни, – сказал магистр.

И это было так. Тоненькая, изящная принцесса имела рыжеватые, судя по портрету, волосы. Не столь яркие, как у предыдущей невесты, но глаза ее тоже оказались зелеными. И вроде бы обе женщины были разными, но в них и вправду улавливалась некая схожесть. Однако лишь внешне. Было ли у них внутреннее сходство, на тот момент оставалось неизвестным.

– Морт. – Магистр обернулся на призыв, и государь продолжил: – Ищи ее, слышишь? Если найдешь до свадьбы, то женюсь я на той, кого столько лет видел матерью моих детей. Даже если ты принесешь мне радостное известие в утро перед свадьбой, я выберу Шанриз.

– А если я найду ее после вашей свадьбы? – осторожно спросил маг.

Король в насмешливом изумлении приподнял брови, и магистр пояснил:

– Избавиться от жены, чтобы после жениться на бывшей невесте, не выйдет... Нет, избавиться, конечно, выйдет, но благовидного предлога уже не найти, даже если королева окажется неверна. Шанриз станет слишком явной причиной

что развода, что смерти Ее Величества. Вы и Камерат наживете неприятностей...

– Я не идиот, – оборвал его государь. – Если я женюсь, значит, женюсь. В конце концов, королева не сможет стать мне помехой. Если найдешь Шанриз, я верну ее себе. Это моя женщина от первого взгляда и до последнего вздоха.

Элькос вдруг ощутил дурноту. Он подошел к стулу, сел и воззрился на короля, не решаясь спросить о том, что вдруг встревожило его. Монарх тем временем вернулся к портрету, сжал пальцами подбородок и застыл, разглядывая изображение принцессы более внимательно.

– Да, есть что-то от Шанни, Атленга стоит похвалить за старания, – наконец произнес государь.

Магистр открыл рот, но всё еще не решался облечь в слова мысли, от которых холодело в груди.

– Как считаешь, мой друг? – обратился к нему монарх.

Элькос поднялся со стула, неспешно приблизился и встал за спиной господина. Однако на портрет он не смотрел, вместо этого верховный маг Камерата сверлил взглядом затылок властителя. И тот обернулся. Брови короля вновь вопросительно взлетели вверх:

– Что?

И Элькос наконец спросил:

– Но если вы будете женаты, то, возможно, стоит девочку... отпустить?

– Отпустить? – переспросил Его Величество.

– Да, отпустить, – повторил магистр и вдруг разгорячился: – Шанриз всегда была полезна вам, государь, и она еще может приносить пользу. К тому же когда-то она мечтала о вашей дружбе, так, быть может, если она вернется, пришло время для этой мечты? Пусть живет своей жизнью, это ведь не отменяет вашего с ней общения. И государыне не придется ревновать, а ее родне...

– Отпустить? – будто и не слыша его, повторно переспросил монарх.

Он отошел к окну, заложил руки за спину и некоторое время молчал, глядя на улицу. И когда маг решил, что король не желает продолжать этого разговора, тот произнес, не спеша обернувшись:

– Я никогда ее не отпущу. Шанриз Тенерис моя, даже если однажды я возненавижу ее. – После полуобернулся и продолжил: – Мне проще убить ее, чем отпустить.

– Что вы сказали? – вдруг охрипшим голосом спросил магистр, только что получивший подтверждение своим подозрениям.

Монарх усмехнулся и вновь посмотрел в окно.

– Не только я был для нее первым, но и она для меня. Во многом. Ты знаешь, мой старый друг, отказа я не знал ни в чем, ни в ком и никогда. Но если женщина сопротивлялась, я оставлял ее и брал ту, которая сама шла мне в руки. А Шанни мне хотелось завоевать.

– Просто она всегда отличалась... – вернувшись на стул,

глухо произнес маг.

– Верно. Смелая до дерзости, отчаянная, легкая, озорная и себе на уме. В ней не было пустоты, в глазах светился ум. И даже в своей наивности она была очаровательна. Она привлекла меня, и я хотел заполучить этот бриллиант.

– Она оказалась к этому не готова.

– Да, – снова кивнул монарх. – Не готова. Но я хотел ее и потому пошел тем путем, который должен был привести ее в мои объятия. И когда моя тетка выпроводила несговорчивую девчонку, я даже одобрил. Не стал ни выговаривать, ни требовать вернуть ее. Думал, она придет жаловаться и тогда я утешу ее. Не пришла. Отправил Дренга, предложив ей себя. Отказала. Я спровадил главу ее рода и точно знал, что они поговорят. Его сиятельство до дрожи боялся потерять место при Дворе...

– Его боится потерять каждый.

– И вновь ты прав, маг, – усмехнулся король. – Только я опять был посрамлен. Шанриз пришла, но отчитала меня, как мальчишку, и попросила, но не за себя, а за родственника. Она ни за что не желала брать то, что я готов был ей дать. – Он вдруг поднял руку: – Молчи, я знаю, что ты скажешь. Ей нужно было мое покровительство и дружба, но не любовь. У Шанриз Тенерис всегда был свой путь. Я тогда не воспринимал ее затеи всерьез, а сейчас камератцы боготворят ее за то, что казалось пустым фантазерством. – Государь вздохнул и продолжил: – Потом был День Верстона. И, гля-

дя на нее в храме, я осознал, что не могу ее отпустить. Этот бриллиант должен быть огранен мной и для меня.

Магистр поднял взгляд на короля и криво ухмыльнулся:

– Вы всегда любили редкие вещицы.

– И ты совершенно прав, как бы цинично это ни звучало, – ответил Его Величество. Он развернулся и уселся на подоконник. – Да, она всегда была другой, и потому моей. Но она оказалась чересчур своенравной и непредсказуемой, и я решил, что лучший способ привязать – это жениться. В тот день в храме я принял решение, что баронесса станет моей королевой. Я ее выбрал, Элькос. И с той минуты у нее уже не было права отказать мне. Впрочем, нашу жизнь я представлял несколько иначе. Думал, пока буду наслаждаться теплом солнечного лучика, постепенно смогу поднять до необходимой высоты, а после поведу к алтарю. Я не желал ее деяний, лишь собирался создать мыльный пузырь, за радужными переливами которого люди не увидят пустоты. И если бы у меня это вышло, то и требований перед свадьбой было бы меньше. Но... не вышло.

– Иначе она была бы не Шанриз Тенерис-Доло, – невольно улыбнулся магистр.

Государь усмехнулся и кивнул в очередной раз и вновь заговорил:

– Всё оказалось иначе. Вся наша жизнь вышла иной. Впрочем, какова женщина, такова и жизнь. Я стал свидетелем того, как у птенца прорезались перья, как он встал на

крыло и как полетел. Поначалу я любовался, потом умилился, после ощутил раздражение, под конец почти ненавидел. Моя женщина дарила себя всем, а я оставался лишь зрителем...

– Вы сейчас говорите как себялюбец, государь, – поморщился Элькос.

– А я кто, по-твоему, маг?! – неожиданно зло воскликнул монарх. – Я – центр этого королевства, его вершина! Я – ось! Я забочусь о вас, вы меня почитаете! Только так правильно, только так должно быть! Только так, – произнес он спокойнее и повернулся к магистру боком.

– Мы почитаем...

– Да, вы почитаете, – кривовато усмехнулся государь. – Ты всегда рядом, Дренг рядом, любой рядом, но не та, кого я назвал моей женщиной. У нее всегда был кто-то, кому она отдавала себя: дети, коммерсантские вдовы, ее род, учреждения, Канатор – мне оставались лишь крохи. А еще это повсеместное почитание. Этот ее талант заводить друзей даже среди тех, кто относился предвзято. Стоило нам разругаться, и те, кто казался мне близкими друзьями, смотрят на меня с обвинением во взоре. Мои советники всего за пару лет стали ее с потрохами. И однажды я заметил, что ось она, а я лишь ее орбита. И вот тогда пришло это странное смешанное чувство, признаться, испугавшее меня. Неутолимая жажда обладания и ненависть. Я не говорю о страсти, я говорю о том, что за семь лет мне так и не удалось заполучить ее. И

сколько бы ни стремился привязать, она всегда ускользала между пальцев, будто какая-то вода. Вроде набрал полные пригоршни, склонился, чтобы сделать глоток, а руки пусты.

– И потому после свадьбы вы решили лишиться всего того, что доставляло ей радость. Решили приставить надсмотрщиц, которые не подпустили бы никого, кроме вас, – сухо произнес магистр. – У нее остались бы только вы.

Король отсалютовал магу.

– И только я уже решал бы, когда и как воспользоваться этим правом. Только от меня зависели бы наши встречи и их необходимость в данный момент. И вот так было бы правильно

Он поднялся с подоконника, одернул одежду и вернулся за стол. Затем раскрыл папку и достал документ, с которым собрался работать. Однако, прежде чем начать, снова посмотрел на Элькоса и закончил:

– Я легче пережил бы ее смерть, чем освобождение от меня. Мертвой она бы уже никуда не делась. А ты говоришь – отпустить. Или со мной, или...

Монарх оставил фразу недосказанной и демонстративно опустил взгляд в документ. Это был знак, и магистр его понял. Он встал со стула, поклонился и направился прочь, точно зная, что ни в коем случае не скажет королю, если удача все-таки улыбнется и пропажа будет найдена. Лишь в одном случае – она сама захочет вернуться.

– Элькос, – голос государя остановил мага уже у двери.

Тот обернулся и увидел, что монарх, прищурившись, смотрит на него. – Ты ведь не огорчишь меня, мой старый друг? Если узнаю, что ты скрыл от меня важное, я буду крайне огорчен. Мои откровения не должны быть использованы мне во вред. Ты всё еще мне верен?

– Да, Ваше Величество, я верен вам, – склонил голову магистр. – Я вас услышал и понял.

– Не задерживаю.

Элькос покинул кабинет короля. И едва за ним закрылась дверь, он понял, что его долгая служба королевскому роду подошла к концу. Магистр решил найти себе преемника. Теперь он не столько искал меня, сколько нового королевского мага. Нет, меня, разумеется, тоже, но более сосредоточился на своем последователе. И когда сообщил о своем решении монарху, тот лишь спросил:

– Почему?

– Так мне будет легче сосредоточиться на поисках Шанриз, – почти не солгал Элькос. – Я смогу с легкой душой покинуть дворец, зная, что ваша жизнь и безопасность в надежных руках. К тому же я уже изрядно извел свои запасы и должного уровня защиту не могу предоставить. Еще немного, и вы станете уязвимы.

– Может, вы и правы, – подумав, согласился король. – Но прежде чем вы утвердите своего преемника, представьте его мне. Возможно, я буду иметь возражения.

Однако возражений не было. Магистр выбрал лучшего, на

его взгляд, мага. Он был ровесником короля, обладал немалым уже раскрытым потенциалом по нынешним меркам, разумеется, в меру честолюбивым и далеко не глупым. Поговорив с ним, государь согласно кивнул, и Элькос принялся за обучение преемника.

Новый верховный маг Камерата был готов заступить на свой пост незадолго до королевской свадьбы. Элькос хотел уйти сразу же, но он был приглашен самим государем и потому остался на срок празднеств. Хотя, признаться, дались ему торжества нелегко, потому что дворец и Двор уже изрядно ему опостытели. Однако долг верноподданного велел терпеть, и магистр терпел.

Уже на свадьбе он с пристрастием рассматривал юную невесту правителя Камерата и нашел, что схожесть со мной и вправду имеется, даже больше, чем показал художник. В королеве чувствовалась живость нрава. Она была прелестна ликом, стройна станом, и даже волосы оказались ярче, чем изобразил художник. Ее Высочество была смущена, но не подавлена. Улыбалась своему жениху и таила взор под длинными ресницами.

Государь казался очарованным. И если бы у алтаря стоял не Ивер Стренхетт, то можно было бы надеяться, что он наконец успокоится и будет счастлив подле своей супруги, напоминавшей яркий, но хрупкий цветок. Однако Элькос слишком хорошо знал своего господина, чтобы увериться в том, что он откажется от своих слов и намерений, какие огла-

сил в кабинете во время их откровенной беседы.

Король Камерата мог быть очарован десятком юных прелестниц разом, но своего пути не менял. А потому и маг менять принятых решений не собирался. Да, он был верен государю, но отдавать тому Шанриз Тенерис, если бы она нашлась, не стал и под угрозой смерти. Долгие годы службы подошли к концу, и теперь каждый шел своей дорогой.

Глава 7

Улицы были заполнены народом настолько, что казалось, даже птичье перо не может проскользнуть между человеческими плечами. Сегодня государь Камерата Ивер II Стрэнхетт принимал поздравления своего народа. Младенца показали еще утром после его рождения. Потом были объявлены празднества, во время которых к королю шли родственники, послы других государств, важные сановники, придворные и высшая знать. Они подносили богатые дары, стремясь перещеголять друг друга в щедрости и роскошестве.

И пока над городом гремели фейерверки и знать соперничала между собой, кто больше поразит государя, по улицам столицы и всех прочих городов Камерата лилось полноводной рекой вино, раздавались яства за счет городской казны и немного государственной. Впрочем, в столице пиршество оплачивал сам король, как и циркачей с музыкантами, игравшими, казалось, в каждом переулке. Веселье длилось с утра до ночи и с ночи до утра.

Лишь только два человека не принимали в них участия: королева и сам наследник, в честь которого гремело королевство. Даже прислуга, меняясь, могла выкроить денек на шумную гулянку, как и фрейлины Ее Величества. Но юной матери этикет предписывал не покидать покоев, пока ее здоровье полностью не поправится. Что до младенца, то ему весь этот

шум и гам был попросту безразличен. У Его королевского Высочества сейчас были иные интересы и потребности, кои и удовлетворялись в полной мере как им самим, так и его окружением, следившим за высочайшим желудком и его пеленками.

И вот по прошествии десятидневных празднеств пришло время счастливому отцу явиться перед своим народом, дабы подданные могли лично пожелать Его Величеству всяческих благ и увидеть его благосклонную улыбку и легкий кивок в знак благодарности. Люди несли цветы и кидали их под ноги монаршего скакуна. Так что если сказать, что столица в этот день цвела, то не будет никакой ошибки – улицы были завалены цветами. А где еще не проехал государь со свитой, по тротуарам текли цветочные реки. Но когда он появится, в воздух взлетят разом все букеты, заменив собой огненный фейерверк на живой и ароматный.

Закончатся же все гулянья, едва король вернется во дворец. Да, этот выезд был финальной фазой. И после этого дни покатаются по заведенному кругу. Юный принц будет расти и радовать успехами своих родителей, государь править своей страной, а подданные служить ему и отечеству кто как может. И только я оставалась незванным гостем на всем этом действе, потому что не собиралась ни поздравлять, ни гулять на шумных улицах, а просто ждала, когда мы сможем отправиться в Тибад. Да и случайно попасться на глаза тому, кто смог бы донести во дворец, что видел меня, я считала пол-

нейшей глупостью.

Впрочем, сегодня я сделала исключение. Во-первых, в толчее разглядеть одного-единственного человека сложно, особенно когда все взгляды устремлены в сторону процессии. А во-вторых, я вдруг поддалась желанию увидеть знакомые лица. Просто взглянуть со стороны на тех, с кем была близко знакома. Этакая небольшая меланхолия, за которой не скрывалось ничего, кроме минутного любопытства.

Одевшись в платье, купленное мне тетушкой, и накинув плащ, я выбралась на улицу. Дядюшка и тетушка ушли раньше. Они должны были приветствовать процессию вместе с высшей знатью столицы. По понятным причинам никто не заговаривал о том, чтобы я отправилась с ними. Да и сама я поначалу даже и не думала выходить из дома, но потом взвесила все за и против и отправилась наряжаться.

Прислуга меня не останавливала и в сопровождение не навязывалась. Никаких указаний у них на это не было, а я не просила компании. О, вас, должно быть, интересует, как отнеслись к моему появлению слуги, раз уж я упомянула о тех, кто работал в доме графа Доло? Не узнал ли меня кто-то из них? Все-таки прошло всего три года, а это слишком малый срок, чтобы забыть младшую родственницу хозяев, которая к тому же должна была стать их королевой, да и заменить целый штат за это время невозможно. И будете совершенно правы.

Если кто-то из слуг и поменялся, то мне об этом не было

известно. Я мало кого знала по именам, больше наглядно. И почти все они были на своих местах, только вот узнать меня не имели ни единой возможности по самой простой причине – магистр Элькос. Мой добрый друг уже на следующее утро после моего появления в доме дядюшки принес мне безделушку – заколку с жемчужинкой.

– Пока люди будут видеть заколку, они не разглядят ни ваших черт, ни цвета волос, – сказал мне маг, вручив свой подарок.

– Но не будет ли это подозрительно? – засомневалась я. – Если черты мои будут расплываться...

– О нет, – отмахнулся Элькос. – Всего лишь искажение восприятия. Кто-то узреет нос картошкой, кто-то впалые щеки, кто-то обильные веснушки. Для одних у вас будут карие глаза, для других серые. Я могу создать постоянную маску, но это потребует больше сил, да и подпитывать маску придется хотя бы раз в два дня, иначе она поплывет, а это неудобно и расточительно. Нам с вами нужна каждая капля моих сил. Потому я даю вам зачарованную заколку. Ее резерва хватит надолго. Главное условие – ее должны видеть.

– Замечательно! – воскликнула я, и смысл скрываться под покровом дочери Левит отпал сам собой.

Теперь, наверное, вы задались вопросом, почему же я тогда опасалась попасться на глаза кому-то во время празднеств? И вновь ответ прост. В одиночестве на гульбище мне делать нечего, а сопровождать меня мог только дядюшка, но!

Во-первых, он был женат, и если бы нас заметили, то после разговоров было не миновать. А во-вторых, он был уже в том почтенном возрасте, когда площадям предпочитают удобное кресло у камина. Оставался Элькос, но тут мог бы воспротивиться его сиятельство как глава рода и поборник моей чести. Все-таки маг был посторонним мужчиной. Что до балов, то мне совершенно не хотелось выдумывать, откуда я появилась и кем являюсь графу Доло. Да и риск попасть под подозрение был значительно выше, чем даже на том же народном гулянье. Так что я оставалась в выделенных мне дядюшкой покоях и занималась более важным делом – расшифровкой.

О нет, сейчас я не стану рассказывать о том, что мне удалось прочитать, потому что рассказывать нечего. Я пока просто разбирала символы, чтобы после уже не спотыкаться на каждой новой комбинации. Так что оставим книгу и прочие вопросы, коих должно быть немало у благородной публики, а отправимся наконец смотреть на торжественный выезд Его Величества со свитой.

Уйдя подальше от аристократического квартала, я остановилась за спинами людей среднего и простого сословия. Ждать пришлось немало, потому что народ собирался задолго до начала выезда. Все хотели занять местечко получше, я же вперед лезть не намеревалась. И пока я пропускала других, дорога окончательно оказалась скрыта от меня чужими головами. Оглядевшись, я заметила водосточную трубу, крепление к стене которой имело достаточную ширину,

чтобы наступить на него одной ногой и немного приподняться. К этой трубе я и отступила, пока никто другой не занял приглянувшееся мне местечко.

И вот теперь я просто ждала и слушала разговоры, лившиеся вокруг меня в изобилии. Ничего особенного. Две подруги, посмеиваясь, обсуждали своих мужей, успевших нагуляться за десять дней празднеств. Еще одна женщина отчитывала свою дочь за то, что та сбежала к своим подругам вместо того, чтобы идти в школу. Услышав это, я улыбнулась. Судя по одежде, девушка принадлежала к простому словию, да и возраста была почти на выданье. Стало быть, она ходила в одно из учреждений, которые я открыла в столице для детей бедного и среднего класса, а не в школу при Доме Левит, где давали только начальные знания.

Потом подошли трое мужчин и две женщины. Они тоже обсуждали прошедшие гулянья и посмеивались. Однако мне это было малоинтересно, и вскоре я перестала следить за течением разговоров вокруг себя, пока не услышала, как сказала одна из недавно подошедших женщин:

– Жаль, что герцогиня Шанриз пропала. Сейчас бы ей хвалу кричали.

– Мы за ее светлую душу выпили, – отозвался мужчина. – Будет ей покой, а нам радость. У короля сыночек долгожданый родился.

– Тьфу, – сплюнула вторая женщина. – Может, живая, а ты «покой».

– Была б живая, уже бы нашли, – ответил тот же мужчина. – А раз не нашли, стало быть, и нет ее уже в нашем мире. Вот пусть ей хорошо и будет там, где теперь душа ее живет.

Они дружно вздохнули и вернулись к празднествам, а я, отвернувшись, усмехнулась. Какой бы смысл ни вложил в свои слова этот человек, но он был прав. И мир теперь у меня другой, и душе моей там хорошо... снова будет, когда вернусь. Сразу стало тоскливо, как бывало, лишь стоило подумать о невозможности оказаться там, куда стремилось сердце.

Прижав ладонь к животу, я шепнула:

– Мы найдем путь домой, обещаю.

А еще спустя пару минут послышался цокот лошадиных копыт, и по улице разнесся крик глашатаев:

– Государь Камерата!

Люди оживились и потянулись ближе к кромке тротуара, а я поспешила на свое крепление, чтобы увидеть процессию. На дорогу уже летели цветы, и народ закричал добрые пожелания наследнику престола и его отцу. У меня не было цветов, и кричать я не намеревалась, потому что на голос мой заколка не действовала. Да и не до криков мне было, потому что горло вдруг свело спазмом. Я увидела его.

Ив не изменился. Те же резковатые черты, те же черные волосы, та же горделивая посадка и едва приметная благожелательная улыбка, какую он обычно дарил своим подданным. Ничего не изменилось, кроме коня. Теперь короля вез ска-

кун белоснежной масти. И пока я глядела на государя, мне вдруг вспомнился момент нашего знакомства на мое семнадцатилетие. Тот пронзительный взгляд, таивший толику иронии и любопытства. И как мое сердце забилося тогда...

Оно и сейчас отбивало взволнованный ритм, но это был лишь миг встречи с прошлым, и не больше, потому что я помнила всё. И его ласки, и его ревность, и его щедрость, и его себялюбие, и его коварство, и подлость. Я помнила всё и не сожалела об утраченном ни единой минуты. И все-таки это был мой мужчина, с которым я прожила бок о бок шесть лет из семи, что мы знали друг друга. Первый, но не единственный на всю жизнь.

Но вот король подъехал совсем близко, взгляд его мазнул по рядам людей, стоявших с моей стороны, и переместился дальше. А вместе с этим успокоилась и я. Дыхание выровнялось, и я перевела взор на сопровождение. Впереди монарха и по бокам, как всегда, ехали его гвардейцы. А на некотором отдалении следовали приближенные государя. Конечно же, среди них был и Олив Дренг. И, в отличие от своего господина, этот плут озарял улицу жизнерадостной улыбкой и подмигивал хорошеньким девушкам, каких успевал заметить.

Однако мое внимание привлек другой мужчина – его светлость герцог Нибо Ришемский. В седле он был не один. Перед ним сидел прелестнейший мальчик, которым мог быть только его сын – юный герцог Арвин Ришемский, а заодно запасной наследник престола. И останется им, пока у короля

не родится второй ребенок мужского пола. Впрочем, Нибо дышаться должно было уже легче. Но так как Арвин все-таки был вторым после принца, то и находился сейчас в свите государя.

А после я перевела взгляд на отца второго наследника. В нем тоже не было перемен. Нибо был по-прежнему хорош собой, только лощеность, какая имелаась в пору нашего знакомства, исчезла окончательно. И это, пожалуй, добавило ему привлекательности еще больше. Все-таки невероятно красивый мужчина и ликом, и статью. Признаться, я залюбовалась. Впрочем, без каких-либо затаенных помыслов. Да и отношения наши до моего исчезновения давно успели измениться, и я относилась к его светлости с доверием и даже дружеским участием. Так что сейчас я любовалась другом, пусть не близким духовно, но всё же другом.

Возможно, мое внимание оказалось слишком пристальным, потому что и Нибо уже с минуту смотрел в мою сторону. Хотя для него пристальные женские взгляды не были чем-то необычным. Герцог Ришемский неизменно находился в центре дамского интереса. Мы даже встретились взглядами. И я уже собиралась устремить свой взор дальше, чтобы и он отвернулся, но в это мгновение тот самый мужчина, который пил за покой моей души, привстал на цыпочки. Я была вынуждена сдвинуться правее, однако положение мое стало вовсе неудобным. Покачнувшись, я охнула, постаралась перехватить трубу повыше и сбила с волос заколку.

Охнув повторно, я метнула взгляд на процессию, и на короткий миг время застыло. Глаза Нибо Ришемского вдруг расширились, и я поспешила исчезнуть из поля его зрения. Присев за своей заколкой, я прижала ладонь к груди – сердце мое несло в бешеном галопе. Неужто узнал?

– Хэлл, не оставь, – прошептала я.

После надела заколку, выдохнула и распрямилась. Осторожно выглянув из-за плеча моего живого укрытия, я увидела, что процессия движется дальше. Кажется, ничто не потревожило ее мирного течения. Никто не вертел головой, не оборачивался и не выкрикивал мое имя. Даже Ришем, успевший уехать вперед, не предпринимал попыток разобраться, показалось ему или нет.

Далее находиться здесь я посчитала излишним. Мне более не хотелось рассматривать придворных. Жили они без меня эти три года, проживут и еще тридцать. И я, протискиваясь там, где толпа была особенно плотной, направилась прочь, теперь жалея, что решилась посмотреть на королевский выезд. Я уходила, браня себя и Ришема, зачем-то глядевшего на меня столько времени, что не упустил момента падения заколки.

Впрочем, ему ведь и вправду могло померещиться, потому что видел он меня без заколки короткий миг. Секунда-две, не больше. Вообразить за это время можно многое, а в действительности рассмотреть – нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.